

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК НЕВОЛЬНЫЙ ГРЕХ

Оноре де Бальзак

Невольный грех (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19385317

Бальзак, Оноре де. Невольный грех: Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-89050-7

Аннотация

«Озорные рассказы», веселые и ироничные, с описаниями любовных утех и прекрасных женщин – от знаменитого Оноре де Бальзака.

Содержание

Красавица Империя	5
Невольный грех	28
Глава первая	28
Глава вторая	45
Глава третья	57
Глава четвертая	66
Глава пятая	75
Отчаяние влюбленного	84

Оноре де Бальзак

Невольный грех (сборник)

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

Красавица Империя

Отправляясь на Констанцкий собор, архиепископ города Бордо принял в свиту свою турецкого священника – престного обхождением и речами юношу, который считался сыном куртизанки некоего губернатора. Епископ Турский с охотою уступил юношу своему другу, когда тот через город Тур следовал, ибо архипастыри привыкли оказывать друг дружке подобные услуги, ведая, как досадить может богословский зуд. Итак, молодой священнослужитель прибыл в Констанц и поселился в доме у своего прелата, мужа преученого и строгих правил.

Наш священник, прозывавшийся Филиппом де Мала, положил вести себя добронравно и со всем тщанием служить своему попечителю, но вскоре увидел он, что многие, прибывшие на славный Собор, самую рассеянную жизнь вели, за что не только индульгенций не лишались, а даже более их имели, нежели иные разумные, добропорядочные люди, а сверх того удостаивались еще и золотых монет и прочих доходов. И вот как-то в ночь, роковую для добродетели нашего монаха, дьявол тихохонько шепнул ему на ухо, чтобы он от благ земных не отвращался, ибо каждый да черпает в неоскудеваемом лоне святой нашей матери церкви, и таковое неоскудение есть чудо, доказывающее наивернейшим образом бытие Божие. Наш священник внял советам дья-

вола. И тут же порешил обойти все констанцские кабачки, всех немецких удовольствий испробовать даром, если представится случай, ибо у него за душой не было ни гроша. А так как до той поры Филипп был поведения скромного, во всем следуя престарелому своему пастырю, который – не по доброй воле, а по немощи своей – плотского греха чурался и даже через это прослыл святым, наш юноша часто терзался жгучим вожделением и впадал в великое уныние. Причиной тому было множество прелестных полнотелых красоток, весьма, впрочем, к бедному люду суровых и обитавших в Констанце ради просветления умов святых отцов, участников Собора. И тем сильнее распалялся Филипп, что не знал, как подступиться к сим роскошным павам, кои помыкали кардиналами, аббатами, аудиторами, римскими легатами, епископами, герцогами и маркграфами разными, словно самой последней церковной братией. Прочитав вечернюю молитву, юноша твердил мысленно разные нежные слова, предназначенные для прелестниц, упражняясь в пресладостном молитвословии любви. Тем самым подготавливался он ко всем возможным случаям. А на следующий день, если он, направляясь ко всенощной, встречал какую-либо из этих принцесс, прекрасную собою, надменно возлежащую на подушках в своих носилках, в сопровождении горделивых пажей при оружии, он останавливался, разиня рот, словно пес, нацелившийся на муху. И от созерцания холодного лица красавицы его еще пуще бросало в жар.

Секретарь епископа, дворянин из Перигора, как-то раз поведал ему, что все эти святые отцы, прокуроры и аудиторы римские, желая попасть в дом к такой красотке, весьма щедро одаряют ее, и отнюдь не святыми реликвиями и индульгенциями, а напротив того – драгоценными камнями и золотом, ибо тех кошечек соборные вельможи лелеют и оказывают им высокое покровительство. Тогда наш бедный туренец, как ни был он прост и робок, стал припрятывать под матрац жалкие свои гроши, получаемые от епископа за то, что перебелил его бумаги, в надежде, что со временем соберется у него довольно денег, дабы хоть издали взглянуть на кардинальскую наложницу, а далее он уповал на милость Божию. И, будучи сущим младенцем по разуму, он столько же сходствовал с женщиною, сколько коза в ночном мраке похожа на девицу. Однако, влекомый желанием своим, бродил он вечерами по улицам Констанца, нимало об опасностях не помышляя, ни даже о мечях грозной стражи, и дерзко выслеживал святых отцов, когда они к любовницам своим пробирались. И тут он видел, как зажигались в доме огни, как освещались окна и двери. Потом внимал он веселью блаженных аббатов и других прочих, когда те, отведав роскошных вин и яств, затягивали тайную аллилуйю, рассеянным ухом внимая музыке, которой их угощали. Повара на кухне совершали поистине чудеса, как бы творя Обедни наваристых супов, Утрени окорочков, Вечерни лакомых паштетов и вознося Славословие сладостей; а уж после возли-

ний пресвятые отцы умолкали. Младые их пажи играли в кости у порога, ретивые мулы брыкались на улице. Все шло отменно. И вера и страх Божий всему сопутствовали. А вот беднягу Гуса предали огню. За какую вину? За то, что полез рукою без спроса в блюдо. Зачем было соваться в гугеноты до времени, раньше других?

Премиленький наш монашек частенько получал затрещины или хватал тумачи, но дьявол поддерживал и укреплял в нем надежду, что рано или поздно настанет и его черед и выйдет он сам в кардиналы у какой-нибудь кардинальской наложницы. Возгоревшись желанием, стал он смел, словно олень по осени, и даже настолько, что как-то вечером пробрался в красивейший из домов Констанца, на лестнице коего он часто видел офицеров, сенешалов, слуг и пажей, с факелами в руках, ожидающих своих господ – герцогов, королей, кардиналов и епископов.

«Ага! – сказал про себя наш монах. – Здешняя прелестница, должно быть, самая прекрасная и есть!»

Вооруженный страж пропустил Филиппа, думая, что юноша состоит в свите баварского электора и, верно, послан с каким-нибудь поручением от одного герцога, только что покинувшего дом красавицы. Быстрее гончего пса в любовном раже взбежал наш монашек по ступеням, влекомый сладостным запахом духов, до самой той комнаты, где раздевалась хозяйка, болтая со своими служанками. И встал он как вкопанный, трепеща, словно вор, застигнутый стражником.

Красавица скинула уже платье. Служанки хлопотали, раздевая и раздевая ее, и столь проворно и откровенно обнажили ее прекрасный стан, что зачарованный монашек успел только громкое «ах!» воскликнуть, и в этом возгласе была сама любовь.

– Что нужно вам, мой мальчик? – спросила дама.

– Душу мою вам предать, – отвечивал тот, пожирая ее взором.

– Можете прийти завтра, – промолвила она, желая потешиться над юношей.

На что Филипп, весь зардевшись, отвечал:

– Долгом своим почту!

Хозяйка громко засмеялась. А Филипп, в блаженном смятении не трогаясь с места, взором ласкал ее прелести, зовущие любовь: волосы, ниспадающие вдоль спины, слоновой кости глаже, а сквозь кудри, рассыпавшиеся по плечам, кожу белее снега, отливавшую атласом. На чистом челе красавицы горел рубиновый подвесок, но огненными своими переливами он уступал блеску ее черных очей, увлажненных слезами, кои вызваны были неудержимым смехом. Играючи, она даже подкинула востроносую туфельку, всю раззолоченную, словно дароносица, и, от хохота изогнувшись, показала свою босую ножку величиной с лебязий клювик. К счастью для юного попаки, красавица была в тот вечер весела, а то вылететь бы ему прямо из окна, ибо и знатнейшего епископа могла при случае постичь та же участь.

– У него красивые глаза, – промолвила одна из служанок.

– Откуда он взялся? – спросила другая.

– Бедное дитя! – воскликнула Империя. – Его, наверное, мать ищет. Надобно нам наставить его на путь истинный!

Расторопный наш туренец, нимало не теряясь, с упоением воззрелся на ложе, покрытое золотой парчой, где собиралась отдыхать прекрасная блудница. Влажный его взгляд, умудренный силою любви, разбудил воображение госпожи Империи, и, покоренная красавчиком, она не то шутя, не то всерьез повторила: «Завтра...» – и отослала его, властно махнув рукою, мановению которой покорился бы сам папа Иоанн, тем более сейчас, когда был он подобен улитке, лишенной раковины, ибо Констанцкий собор только что его обеззватиканил.

– Ах, госпожа, вот и еще один обет целомудрия полинял от любовного жара, – промолвила прислужница.

Смех возобновился, шутки посыпались градом. Филипп ушел, стукнувшись головой о косяк, и долго не мог опомниться, как напуганная ворона, – столь пленительна, подобно сирене, выходящей из вод, была госпожа Империя. И, забыв зверей, искусно вырезанных на дверных наличниках, Филипп вернулся к своему добродушному пастырю с дьявольским вожделением в сердце и ошеломленный виденным до самой глубины своего естества. Поднявшись в отведенную ему каморку, он всю ночь напролет считал и пересчитывал свои гроши, но больше четырех монет, называе-

мых «ангелами», ничего не обнаружил, и так как не было у бедняги иного состояния, понадеялся он ублаготворить красавицу, отдав ей все, чем владел в этом мире.

– Что с тобою, сын мой? – спросил его добрый архиепископ, обеспокоившись возней и вздохами монашка.

– Ах, монсеньер, – отвечивал бедный, – я дивлюсь, как сие возможно, чтобы столь легковесная и красивая дама таким непереносимым грузом лежала на сердце!

– Какая же? – спросил архиепископ, отложивший требник, который читал он для виду.

– Господи Иисусе, вы станете укорять меня, отец мой и покровитель, за то, что я посмел улицезреть возлюбленную кардинала, а может, и того знатнее. И я возрыдал, увидя, как мало имею я этих треклятых монет, дабы с благословения вашего наставить грешницу на путь добра.

Архиепископ собрал на челе своем, над самым носом, морщины наподобие треугольника и не изрек ничего. А смиренный Филипп дрожал всем телом оттого, что отважился исповедоваться пред своим высоким наставником. Святой отец только спросил его:

– Стало быть, она весьма дорогая?

– Ах, – воскликнул монашек, – она обчистила немало митр и облупила не один жезл!

– Итак, Филипп, ежели отречешься от нее, я выдам тебе тридцать «ангелов» из казны для бедных.

– Ах, святой отец, это будет для меня весьма убыточно, –

ответствовал юноша, пылая при мысли о наслаждениях, каковые обещал себе изведать.

– О, Филипп, – промолвил добрый пастырь, – неужели ты решился предать себя в лапы дьявола и прогневать Господа, уподобившись всем нашим кардиналам?

И учитель, сокрушенный скорбью, стал молить святого Гатьена, покровителя девственников, дабы тот оградил смиренного слугу своего. А молодому грешнику приказал коленапреклоненно молить заступника своего Филиппа; но окаянный монах просил у небесного своего предстателя совсем иного: помочь ему не оплошать, когда отдаст он себя на милость и волю прелестницы. Добрый архиепископ, видя прилежное моление юноши, воскликнул:

– Крепись, сын мой! Небо тебя услышит.

Наутро, пока старец, покровитель Филиппа, изобличал на Соборе распутство христианских апостолов, юноша истратил свои тяжким трудом добытые денежки на благовония, притирания, паровую баню и на иные суеты и стал до того хорош, что можно было его принять за любовника какой-нибудь куртизанки. Через весь город Констанц направился он отыскивать дом королевы своего сердца, и, когда спросил у прохожих, кому принадлежит названное жилище, те засмеялись ему в лицо, говоря:

– Откуда такой сопляк взялся, что никогда не слышал о красавице Империи?

Услышав имя Империи, он понял, в сколь ужасную запад-

ню лезет себе на погибель, и испугался, что прикопленные им «ангелы» он сам дьяволу под хвост выбросил.

Из всех куртизанок Империа почиталась самой роскошной, и слыла к тому же взбалмошной, и вдобавок была она прекрасна, словно богиня; и не было ее ловчее в искусстве водить за нос кардиналов, укрощать свирепейших вояк и притеснителей народа. При особе ее состояли лихие капитаны, лучники, дворяне, готовые служить ей во всяком деле. Единое ее гневное слово любому не угодившему ей могло стоить головы. И такую же погибель несла любезная ее улыбка, ибо не единожды мессир Бодрикур, военачальник, на службе короля французского состоявший, вопрошал, нет ли такого, кого сей же час ради нее надлежит убить, чтобы посмеяться над святыми отцами.

Важнейшим особам духовного звания госпожа Империа вовремя умела ласково улыбнуться и вертела всеми, как хотела, будучи бойка на язык и искусна в любви, так что и самые добродетельные, самые холодные сердцем попадались, как птица в тенета. И потому она жила любима и уважаема, не хуже родовитых дам и принцесс, и, обращаясь к ней, называли ее госпожа Империа. Одной знатной и строгого поведения даме, которая посетовала на это, сам император Сигизмунд отвечал, что они-де, благородные дамы, суть блюстительницы мудрых правил святейшей добродетели, а госпожа Империа хранит сладостные заблуждения богини Венеры. Слова, доброго христианина достойные, и благород-

ные дамы несправедливо ими возмущались.

Итак, Филипп, вспоминая прелести, кои он с восторгом лицезрел накануне, опасался, что этим дело и кончится, и тяжело огорчился. Он бродил по улицам, не пил, не ел, ожидая своего часа, хотя был достаточно привлекателен собою, весьма обходителен и мог найти себе красавиц, менее жестокосердых и более доступных, нежели госпожа Империа.

С наступлением ночи молодой наш туренец, подстрекаемый самолюбием и обуреваемый страстью, задыхаясь от волнения, проскользнул, как уж, в жилище истинной королевы Собора, ибо пред нею склоняли главы свои все столпы церкви, мужи закона и науки христианнейшей.

Дворецкий не признал Филиппа и хотел было вытолкать его вон, когда служанка крикнула сверху лестницы:

– Эй, мессир Имбер, это дружок нашей госпожи!

И бедняга Филипп, вспыхнув, как факел в брачную ночь, поднялся по лестнице, спотыкаясь от счастья и предвкушая близкое уже блаженство. Служанка взяла его за руку и повела в залу, где в нетерпении ждала госпожа Империа, одетая, как подобает жене многоопытной и чающей удовольствий. Империа, сияя красотой, сидела за столом, покрытым бархатною скатертью, расшитой золотом и уставленной отменными напитками. Замороженные вина во флягах и кубках, одним своим видом возбуждающие жажду, бутылки с гипокрасом, кувшины с добрым кипрским, коробочки с пряностями, зажаренные павлины, приправы из зелени, посолен-

ные окорочка – все это восхитило бы взор влюбленного монашка, если бы не так сильно любил он красавицу Империю. А она сразу же заметила, что юноша очей от нее не может оторвать. Хоть и не в диковинку были ей поклонения бестыжих попов, терявших голову от ее красоты, все же она возрадовалась, ибо за ночь совсем влюбилась в злосчастливого юнца, и весь день он не давал покоя ее сердцу. Все ставни были закрыты. Хозяйка дома была в наилучшем расположении духа и в таком наряде, словно готовилась принять имперского принца. И наш хитрый монашек, восхищенный райскою красою Империи, понял, что ни императору, ни бургграфу, ни даже кардиналу накануне избрания в папы не одолеть его в тот вечер, его, бедного служку, у коего за душой нет ничего, кроме дьявола и любви. Он поспешил поклониться с изяществом, которому мог позавидовать любой кавалер. И за то дама сказала, одарив его жгучим взором:

– Садитесь рядом со мною, я хочу видеть, переменились ли вы со вчерашнего дня.

– О да, – отвечивал Филипп.

– А чем же?

– Вчера, – продолжал наш хитрец, – я любил вас, а нынче вечером мы любим друг друга, и из бедного страдальца я стал богаче короля.

– Ах ты, малыш, малыш! – воскликнула она весело. – Ты, я вижу, и впрямь переменился: из молодого священника стал старым дьяволом.

И они сели рядышком возле жаркого огня, от которого по всему телу еще сильнее разливалось любовное опьянение. Они так и не начинали ужинать, не касались яств, глаз не отрывали друг от друга. И когда, наконец, расположились при-вольно и с удовольствием, раздался неприятный для слуха гос-пожи Империи шум, будто невесть сколько людей вопили и дрались у входа в дом.

– Госпожа, – доложила вбежавшая служанка, – а вот еще другой!

– Кто? – вскричала Империя высокомерно, как разгневан-ный тиран, встретивший препону своим желанием.

– Куарский епископ хочет поговорить с вами.

– Чтоб его черти побрали! – ответствовала Империя, взглянув умильно на Филиппа.

– Госпожа, он заметил сквозь ставни свет и расшумелся.

– Скажи ему, что я в лихорадке, и ты не солжешь, ибо я больна этим милым монашком, так он мне вскружил голову.

Но не успела она произнести эти слова, пожимая с чув-ством Филиппу руку, пылавшую от любовного жара, как туч-ный епископ Куарский ввалился в залу, пыхтя от гнева. Слуги его, следовавшие за ним, внесли на золотом блюде приго-товленную по монастырскому уставу форель, только что вы-ловленную из Рейна, затем пряности в великолепных коро-бочках и тысячу лакомств, как то: ликеры и компоты, сва-ренные святыми монахинями из аббатства Куарского.

– Ага! – громогласно возопил епископ. – Почто вы, ду-

шенька, торопите меня на вертел к дьяволу, я и сам сумею к нему отправиться во благовремение.

– Из вашего брюха когда-нибудь сделают изрядные ножны для шпаги, – ответствовала Империя, нахмурия брови, и всякого, кто узрел бы грозное ее чело, еще недавно ясное и приветливое, пробрала бы дрожь.

– А этот служка ныне уже участвует в обедне? – свирепо спросил епископ, поворачивая к прекрасному Филиппу свое широкое и багровое лицо.

– Монсеньер, я здесь, дабы исповедовать госпожу Империю.

– Как, разве ты канона не ведаешь? Исповедовать дам в сей ночной час положено лишь епископам. Чтобы духу твоего здесь не было! Иди пасись с монахами своего чина и не смей носа сюда показывать, иначе отлучу тебя от церкви.

– Ни с места! – воскликнула, разъярясь, госпожа Империя, еще прекраснее в гневе, нежели в любви, а в то мгновение в ней сочетались и любовь, и гнев. – Оставайтесь, друг мой, вы здесь у себя.

Тогда Филипп уразумел, что он воистину ее возлюбленный.

– Разве не поучает нас Писание и премудрость евангельская, что вы оба равны будете перед ликом Господним в долине Иосафатской? – спросила госпожа Империя у епископа.

– Сие есть измышление дьявола, каковой своих адских выдумок к Библии подмешал, но так и впрямь написано, –

ответствовал тупоумный толстяк, епископ Куарский, поспешая к столу.

– Ну, так будьте же равны передо мною, истинной вашей богиней на земле, – промолвила Империа, – а то я прикажу вас превежливо задушить чрез несколько дней, сдавив хорошенько то место, где голова к плечам приделана. Клянусь в том всемогуществом моей тонсуры, которая ничуть не хуже папской! – И, желая присовокупить к трапезе форель, принесенную епископом, равно как и пряности и сласти, она сказала: – Садитесь и пейте.

Но хитрой девке не впервой было проказничать, и она подмигнула милому своему, как бы говоря ему: пренебреги этим тевтоном, чем больше он отведаст вин, тем скорее придет наш час.

Прислужница усадила епископа за стол и захлопотала вокруг него; тем временем Филипп онемел от ярости, ибо видел уже, что счастье его рассеивается как дым, и в мыслях посылал епископа ко всем чертям, коих сулил ему больше, чем существует монахов на земле. Трапеза близилась к концу, но наш Филипп к яствам не прикоснулся, он алкал лишь одной Империи и, прижавшись к ней, сидел, не говоря ни слова, кроме как на том прекрасном наречии, которое ведомо всем дамам и не требует ни точек, ни запятых, ни знаков восклицания, ни заглавных букв, заставок, толкований и картинок. Тучный епископ Куарский, весьма сластолюбивый и превыше всего радеющий о своей брэнной шкуре, в

каковую его заправила покойная мать, пил гипокрас, щедро наливаемый ему нежною рукою хозяйки, и уже начал икать, когда раздался громкий шум приближавшейся по улице кавалькады. Топот множества лошадей, покрики пажей – го! го! – возвещали, что прибывает некий вельможа, одержимый любовью. И точно. Вскоре в залу вошел кардинал Рагузский, которому слуги Империи не посмели не открыть дверей. Злосчастная куртизанка и ее любовник стояли в смущении и расстройстве, словно пораженные проказой, ибо лучше было бы искусить самого дьявола, нежели отринуть кардинала, тем паче в тот час, когда никто не ведал, кому быть папой, ибо три притязателя на папский престол уже отказались от тиары к вящему благу христианского мира.

Кардинал, хитроумный и весьма бородатый итальянец, слывший ловким спорщиком в богословских вопросах и первым запевалой на всем Соборе, разгадал, долго не раздумывая, альфу и омегу этой истории. Поразмыслив с минуту, он уже придумал, как действовать, чтобы ублажить себя без излишних хлопот. Он примчался, гонимый монашеским сластолюбием, и, чтобы заполучить свою добычу, не дрогнув, заколол бы двух монахов и продал бы свою частицу святого Креста Господня, что, конечно, достойно всяческого осуждения.

– Эй, дружок, – обратился он к Филиппу, подзывая его к себе.

Бедный туренец, ни жив ни мертв от страха, решив, что

сам дьявол вмешался в его дела, встал и отвечал грозному кардиналу:

– К вашим услугам!

Последний взял его под руку, увел на ступени лестницы и, поглядев ему прямо в глаза, начал, не мешкая:

– Черт возьми, ты славный малый, так не вынуждай же меня извещать твоего пастыря, сколько весят твои потроха. Могу же я потешить себя на старости лет, а за содеянное расквитаться благочестивыми делами. Посему выбирай: или сочетаться тебе крепкими узами до окончания дней своих с неким аббатством, или с госпожой Империей на единый вечер и за то принять наутро смерть.

Бедный туренец в отчаянии промолвил:

– А когда, монсеньор, пыл ваш уляжется, дозволено будет мне сюда вернуться?

Кардинал, хоть и не рассердился, однако ж ответил сурово:

– Выбирай – виселица или митра!

Монашек лукаво улыбнулся:

– Дайте аббатство покрупнее да посытнее.

Услышав это, кардинал вернулся в залу, взял перо и нацарапал на обрывке пергамента грамоту французскому представителю.

– Монсеньер, – сказал наш туренец кардиналу, пока тот выводил наименование аббатства, – Куарский епископ не уйдет отсюда так быстро, как я, ибо у него самого аббатств не

менее, нежели в граде Констанце, найдется солдатских ка-
бачков; вдобавок он уже вкусил от лозы виноградной. Посе-
му, думается мне, дабы возблагодарить вас за столь славное
аббатство, должен я дать вам благой совет. Вам, конечно, из-
вестно, как зловреден и прилипчив проклятый коклюш, от
которого град Париж жестоко претерпел; итак, скажите епи-
скопу, что вы сейчас напутствовали умирающего старца, ва-
шего друга – Бордоского архиепископа. И вашего соперника
выметет отсюда, как пучок соломы ветром.

– Ты достоин большей награды, нежели аббатство! – вос-
кликнул кардинал. – Черт возьми, мой милый, вот тебе сто
экую на дорогу в аббатство Турпенэй, я их вчера выиграл в
карты, прими от меня их в дар.

Услыхав эти слова и видя, что Филипп де Мала удаляется,
не ответив даже, как она уповала, на нежный взгляд ее глаз,
из коих струилась сама любовь, красавица Империа запых-
тела подобно дельфину, ибо догадалась, почему отрекся от
нее пугливый монашек. Она еще не была столь ревностной
католичкой, чтоб простить любовнику, раз он изменил ей,
не желая умереть ради ее прихоти. И в змеином взоре, коим
Империа смерила беглеца, желая его унижить, была начерта-
на его смерть, что весьма позабавило кардинала: распутный
итальянец почуял, что аббатство, подаренное им, вскоре об-
ратно к нему вернется. А наш туренец, нимало не обращая
внимания на гнев Империи, выскользнул из дома, как побит-
ый пес, которого отогнали от господского стола. Из груди

госпожи Империи вырвался стон: в тот час она бы жестоко расправилась со всем родом человеческим, будь это в ее власти, ибо пламя, вспыхнувшее в ее крови, бросилось ей в голову, и огненные искры закружились в воздухе вокруг нее. И немудрено: впервые случилось, что ее обманул какой-то жалкий монах. А кардинал улыбался, видя, что теперь дело пойдет на лад. Ну и хитер был кардинал Рагузский, недаром заслужил он красную шляпу.

– Ах, дражайший мой собрат, – обратился он к епископу Куарскому, – я не нарадуюсь, что нахожусь в столь прекрасной компании, и паче рад, что прогнал отсюда семинариста, недостойного быть в обществе госпожи Империи, особенно потому, что, коснувшись его, моя красавица, бесценная моя овечка, вы могли бы умереть самым недостойным образом по вине простого монаха.

– Но как это возможно?

– Он писец у архиепископа Бордоского, а наш старичок нынче утром заразился...

Епископ Куарский разинул рот, словно собираясь проглотить круглый сыр целиком.

– Откуда вы это знаете? – спросил он.

– Мне ли то не знать, – ответил кардинал, взяв за руку простодушного немца, – я только что исповедал его и напутствовал. И в сей час наш безгрешный старец готовится прямым путем лететь в рай.

Тут епископ Куарский доказал, сколь люди тучные легки

на подъем. Доподлинно известно, что праведникам, особенно пузатым, Господь по милости своей и в возмещение их тягот дарует кишки весьма растяжимые, как рыбы пузыри. И вышеназванный епископ, подпрыгнув, отпрынул назад, обливаясь потом и до времени кашляя, будто бык, которому в корм подмешали перья. Потому, вдруг побледневши, бросился он вниз по лестнице, не сказав даже «прости» госпоже Империи. Когда двери захлопнулись за епископом и он уже припустился бегом по улице, кардинал Рагузский рассмеялся и сказал, желая позабавиться:

– Ах, милочка моя, ужель недостоин я стать папою и – того лучше – быть хоть на сегодня твоим возлюбленным?

Увидев, что Империя нахмурилась, он приблизился к ней, желая заключить ее в объятия, приголубить, прижать к груди по-кардинальски, ибо у кардиналов руки лучше подвешены, чем у прочих людей, лучше даже, чем у вояк, по той причине, что святые отцы в праздности живут и силы свои зря не расточают.

– Ах, – воскликнула Империя, отшатнувшись, – ты ищешь моей смерти, митроносец безумный! Для вас превыше всего ваше распутство, бессердечный грубиян! Что я тебе? Игрушка, служанка твоей похоти? Ежели страсть твоя меня убьет, вы причислите меня к лику святых, только и всего. Ты заразился коклюшем и смеешь еще домогаться меня! Ступай прочь, поворачивай отсюда, безмозглый монах, а меня и перстом коснуться не смей, – кричала она, видя, что он к ней

приближается, – не то попотчую тебя этим кинжалом!

И лукавая девка выхватила из кошелька свой тонкий стилет, коим она при надобности умела владеть.

– Но, птичка райская, душечка моя, – молил кардинал, – ужели ты не поняла шутки? Надобно же было мне выпроводить прочь престарелого Куарского быка.

– Да-да, сейчас я увижу, любите вы меня или нет. Уйдите немедля. Ежели вас уже взял недуг, погибель моя вас нима-ло не тревожит. Мне достаточно знаком ваш нрав, знаю я, какую цену вы готовы заплатить ради единого мига услады; в тот час, когда вам придет пора помирать, вы всю землю без жалости затопите. Недаром во хмелю вы сами тем похвалялись. А я люблю только себя, свои драгоценности и свое здор-овье. Ступайте! Придите завтра, если только до утра не про-тухнете. Сегодня я тебя ненавижу, добрый мой кардинал, – добавила она, улыбаясь.

– Империа! – возопил кардинал, падая на колени. – Свя-тая Империа, не играй моими чувствами!

– Да что вы! – отвечала куртизанка. – Никогда я не играю предметами священными.

– Ах ты, тварь! Завтра же я отлучу тебя от церкви!

– Боже правый! Да ваши кардинальские мозги совсем свихнулись!

– Империа, отродье дьявольское! Нет! Нет! Красавица моя, душенька!

– Уважайте хоть сан свой! Не стойте на коленях. Глядеть

противно!

– Ну, хочешь, я дам тебе отпущение грехов *in articulo mortis*?¹ Хочешь, подарю тебе свое состояние или, того лучше, частицу животворящего Креста Господня? Хочешь?

– Нынче вечером мое сердце не купить никакими богатствами, ни земными, ни небесными, – смеясь, отвечала Империа. – Я была бы последней из грешниц, недостойной приобщаться святых тайн, не будь у меня своих прихотей.

– Я сожгу твой дом! Ведьма! Ты приворожила меня и за то сгоришь на костре... Выслушай меня, любовь моя, моя душенька, обещаю тебе лучшее место на небесах. Ну скажи? Не хочешь? Так смерть тебе, смерть, колдунья!

– Вот как? Я убью вас, монсеньер!

Кардинал даже задохнулся от ярости.

– Да вы безумны, – сказала Империа. – Ступайте прочь, вы последних сил лишитесь.

– погоди, вот буду папою, ты за все заплатишь!

– Все равно и тогда из моей воли не выйдешь!

– Скажи, чем могу я угодить тебе сегодня?

– Уйди.

Она вскочила, проворная, словно трясогузка, порхнула в свою спальню и заперлась на замок, предоставив кардиналу бушевать одному, так что пришлось ему в конце концов удалиться. Когда же красавица Империа осталась в одиночестве перед очагом у стола, убранного к трапезе, покинутая своим

---

¹ На случай внезапной смерти (*лат.*).

юным монашкой, она разорвала на себе в гневе все свои золотые цепочки.

– Клянусь всеми чертями, рогатыми и безрогими, раз этот негодный мальчишка побудил меня задать кардиналу подобную трепку, за что меня завтра могут отравить, а сам мне никакого удовольствия не доставил, клянусь, я не умру прежде, чем не узрю своими глазами, как с него живого шкуру будут сдирать. Ах, сколь я несчастна! – горько плакалась она, на сей раз непритворными слезами. – Лишь краткие часы радости урываю я то здесь, то там и должна оплачивать их тем, что подлым ремеслом занимаюсь да еще душу свою гублю!

Так Империя горестные песни свои изливала, словно телок, ревуший под ножом мясника, и вдруг увидела она в венецианском зеркале румяное лицо монашка, который ловко проскользнул в комнату и тихонько встал за ее спиной. И тогда воскликнула она:

– Ты самый распрекрасный из монахов, самый миленький монашек на свете, который когда-либо монашничал, монашил, монашулил в сем священном любвеобильном городе Констанце! Поди ко мне, мой любезный друг, любимый мой сынок, яблочко мое, услада моя райская. Хочу выпить влагу очей твоих, съесть тебя хочу, убить тебя любовью. О мой цветущий, благоуханный мой, лучезарный бог! Тебя, простого монаха, я сделаю королем, императором, папой римским, и будешь ты счастливее всех! Твори тогда твою волю, рази мечом, пали огнем! Я твоя и докажу тебе это, ибо ста-

нешь ты вскорости кардиналом, хоть бы пришлось мне отдать всю кровь сердца, чтобы в алый цвет окрасить твою черную шапочку!..

Дрожащими руками наполнила она греческим вином золотую чашу, принесенную толстяком епископом Куарским, и поднесла, счастливая, своему дружку; желая услужить ему, опустилась перед ним на колени, она, чью туфельку принцы находили куда слаще для уст своих, чем папскую туфлю.

Но туренец молча смотрел на красавицу взором, столь алчущим любви, что она сказала ему, трепеща от блаженства:
– Ни слова, милый. Приступим к ужину!

Невольный грех

Глава первая

Как старый Брюин выбрал себе жену

Мессир Брюин, тот самый, что достроил замок Рош-Корбон ле Вувре на Луаре, был в молодости отчаянным пове­с­сой. Еще юнцом он портил девчонок, пустил по ветру роди­тельское достояние и дошел в своем негодяйстве до того, что родного отца барона де ла Рош-Корбон засадил под замок; став сам себе господином, он денно и ночью бражничал и блудил за троих. Порастряс он свою мошну, погряз в распут­стве с продажными девицами, провонял вином, предал за­пустению свои поместья и был отринут честными людьми — остались ему друзьями лишь ростовщики, коим отдавал он в заклад последнее добро. Но лихоимцы весьма скоро ста­ли скупы, и ничего из них нельзя было выжать, как из су­хой ореховой скорлупы, когда увидели они, что ему нечем больше отвечать, кроме как фамильным замком де ла Рош-Корбон, ибо этот «Рюпес-Корбонис» находился под опекой самого короля. Тогда Брюин взбесился, бил правого и вино­ватого, сворачивая людям скулы, норовил по пустякам зате­ять драку. Видя это, аббат Мармустьерского монастыря, его

сосед, весьма острый на язык, сказал ему, что такие поступки – верные признаки вельможных качеств и мессир стоит на правильном пути, но куда разумнее будет к вящей славе Господней бить мусульман, поганящих святую землю; без сомнения, он вернется в Турень, нагруженный сокровищами и индульгенциями, или же проследует прямо в рай, откуда и ведут свое происхождение все бароны.

Названный барон, восхищаясь великим умом аббата, отбыл, снаряженный в дорогу попечением монахов, благословляемый аббатом и при громком ликовании своих соседей и друзей. Тогда пустился он грабить многие города Азии и Африки, избивать нехристей, без зазрения совести резать сарацин, греков, англичан и прочих, не заботясь о том, друзья они или нет и откуда они берутся, ибо, к чести своей, мессир Брюин не страдал излишним любопытством и спрашивал, с кем бился, лишь после того, как уже сразил противника. В этих трудах, весьма приятных Господу, королю и ему самому, Брюин заслужил славу доброго христианина, верного рыцаря и немало развлекся в заморских странах, поскольку охотнее он давал экую девкам, нежели медный грош беднякам, хотя чаще встречал честных бедняков, чем заманчивых девиц. Но как истый туренец, не брезгал он никакой похлебкой. Наконец, пресытившись турками, священными реликвиями и прочей добычей, захваченной в святой земле, Брюин, к великому изумлению жителей Вуврильона, воротился из крестового похода, нагруженный золотом и дра-

гоценными камнями, не в пример тем, которые уезжают с набитым кошельком, а возвращаются отягченные проказой и с пустой мошной. На обратном пути из Туниса король наш Филипп наградил его графским титулом и назначил сенешалом в нашем округе и в Пуату. С тех пор его весьма полюбили, и стал он уважаем всеми по той причине, что, кроме всех прочих своих заслуг, основал собор Карм-Дешо в Эгриньольском приходе, чувствуя себя должником перед небесами за все грехи своей молодости, чем в полной мере снискал расположение самого Господа и святой церкви. Оплешивев, наш гуляка и злодей образумился и зажил честно, а если и блудил, то лишь втихомолку. Редко он гневался, разве только когда роптали при нем на Бога, чего не терпел, ибо сам в безумные годы своей младости был завзятым богохульником. И уж, конечно, ни с кем больше он теперь не ссорился, да и не с кем было – кто не уступит сенешалу по первому его слову? А раз все желания твои исполняются, тут и сам черт ангелом делается.

Был у графа замок сверху донизу в живописных надстройках, подобный испанскому камзолу. Замок сей был расположен на вершине холма, откуда смотрелся он в воды Луары. Внутри все покои разукрашены были роскошными шпалерами, мебелью разной, драгоценными занавесями, всякими сарацинскими диковинками, на которые не могли налюбоваться турецкие жители и сам архиепископ с монахами обители Святого Мартина, коим граф подарил стяг с бахромой из

чистого золота. Вокруг того замка жались разного рода постройки, мельницы, амбары с зерном и всевозможные службы. Это был военный склад всей провинции, и Брюин мог выставить тысячу копий в распоряжение нашего короля. Если случалось местному бальи, склонному к короткой расправе, приводить к старому графу бедного крестьянина, заподозренного в каком-либо проступке, то старик говорил, улыбаясь:

– Отпусти этого, Бредиф, за него уже поплатились те, коих я в свое время по легкомыслию обидел...

Нередко, правда, и сам он приказывал вздернуть кого-нибудь без долгих слов на ближайшем дубовом суку или же на виселице. Но происходило это лишь во славу правосудия, чтоб добрый обычай не забывался в его владениях. Посему народ там был благоразумен и смирен, подобно монашкам, некогда здесь обитавшим, люди жили в спокойствии, зная, что сенешал защитит их от разбойников, злоумышленников, коим и впрямь он не мирволил, помня, какая язва оные проклятые хищники. А впрочем, сенешал весьма был привержен Господу и прекрасно управлялся со всем: и с церковной службой, и с хорошим вином, и суд чинил по-турецки, заводя веселую болтовню с тем, кто проигрывал тяжбу, и даже некоторых к трапезе приглашал, им в утешение. Повешенных хоронили по его повелению в освященной земле, наравне с людьми, чистыми перед Богом, ибо он рассуждал так: повешенному и той кары довольно, что жизни своей лишил-

ся. Что же касается евреев, то притеснял он их лишь по мере надобности, когда слишком уж они жирели, давая деньги в рост и набивая мошну. Потому и позволял им собирать свою дань, как пчелы собирают свою, говоря, что они лучшие сборщики податей. Обирал же их только на благо и пользу служителей церкви, короля, провинции или себя самого.

Такое добродушие привлекало к нему все сердца от мала до велика. Когда барон, отсидев положенное время на своем судейском кресле, с улыбкой возвращался домой, то аббат Мармустьерский, тоже глубокий старец, говорил:

– Что-то вы нынче веселы, мессир, наверно, вздернули кого-нибудь.

А когда барон проезжал верхом по дороге из Рош-Корбона в Тур, через предместье Святого Симфориона, люди промеж себя говорили:

– Вот едет наш добрый барон вершить суд!

И без страха смотрели на него, как он трусил рысцей на статной белой кобыле, которую вывез с Востока. На мосту мальчишки прерывали игру в камушки и кричали:

– День добрый, господин сенешал!

И он отвечал шутя:

– Играйте себе на здоровье, детки, пока вас не высекли.

– Слушаем, господин сенешал!

Так по милости его весь наш край был весьма доволен и забыл, какие такие бывают воры, и даже в приснопамятный год наводнения на Луаре в течение всей зимы повесили лишь

двадцать два злоумышленника, не считая одного еврея, каковой был сожжен в округе Шато-Неф за то, что украл хлеб причастия или купил его, как говорили в народе, ибо все знали о несметном его богатстве.

В следующем году, в канун Ивана Купалы, или святого Ивана Косаря, как говорится у нас в Турени, появились в наших краях египтяне или цыгане, а может, и другие воровские шайки, каковые святотатственно обокрали обитель Святого Мартина и как раз у подножия статуи госпожи нашей Богородицы, желая оскорбить и поглумиться над истинной нашей верой, оставили дьявольски красивую девчонку, совершенно голую, такую же фиглярку и черномазую, как они сами. За сие неслыханное преступление по решению королевских судей, равно как и церковных, юная мавританка должна была расплатиться. Ее приговорили к сожжению живьем на площади Святого Мартина, рядом с колодцем, что на зеленом рынке. Тогда добряк Брюин наперекор прочим искусно доказал, что было бы весьма угодно Господу разумно и выгодно эту африканскую душу приобщить к истинной религии. Ибо если дьявол уже вошел в оное женское тело и упорно гнездится в нем, то ни на каких кострах его не сожжешь. Архиепископ признал сие соображение весьма мудрым и канонически правильным, полностью согласным с христианским милосердием и Евангелием. Однако ж городские дамы и иные влиятельные особы громко выражали свое неудовольствие, сетуя, что их лишают торжественной цере-

монии, ибо мавританка, говорили они, так горько оплакивает в тюрьме свою участь, кричит, как связанная коза, и, не раздумывая, согласится принять христианство, лишь бы остаться в живых, и, дай ей волю, проживет с вороний век. На это сенешал отвечал, что если чужеземка пожелала бы, как это и должно, принять христианскую веру, то по установленному обряду состоится куда более торжественная церемония, и он обещал устроить все с королевским великолепием, сказав, что сам будет восприемником на крестинах, кумой же должна быть девственница, чтобы в полной мере угодить Господу, так как он, Брюин, «непосвященный».

В нашем краю, в Турени, так называют молодых людей – холостяков или считающихся таковыми, в отличие от женатых и вдовцов. Но бойкие бабенки превосходно узнают их без всякого прозвища по тем признакам, что оные молодые люди легкомысленнее и веселее, чем иные прочие, закосневшие в брачной жизни.

Мавританка не колебалась в выборе между огнем костра и водой крещения. Она предпочла жить христианкой, нежели сгореть египтянкой. За это нежелание пожариться единый краткий миг обречена она была усохнуть сердцем на всю жизнь, ибо для вящей уверенности в ее благочестии новообращенную поместили в монастырь рядом с Шардонере, где она и произнесла монашеский обет. Церемония крещения завершилась в доме архиепископа, где был задан бал, на нем плясали без устали в честь спасителя рода человеческого да-

мы и дворяне Турени, которая тем и славится, что там забавляются, едят, блудят, устраивают шумные игры и всякие увеселения чаще, чем где-либо на свете. Добрый сенешал захотел покумиться с дочкой мессира д'Азе-ле-Ридель, коего в ту пору просто называли Азе-сгоревший. Рыцарь этот участвовал в битве под Акром, городом, весьма отдаленным, и попал в руки сарацина, потребовавшего за него королевский выкуп по той причине, что названный рыцарь отличался важностью осанки.

Супруга мессира Азе заложила родовое свое поместье ломбардщикам и ростовщикам, чтоб собрать нужные деньги, осталась без единого гроша и в ожидании своего господина ютилась в жалком городском жилище, где даже коврика не имелось, но была горда, как царица Савская, и смела, как борзая, защищающая добро своего хозяина. Узнав о великой ее нужде, сенешал поспешил весьма деликатно пригласить мадемуазель д'Азе в крестные матери к названной египтянке и тем приобрести право помочь г-же д'Азе. Он приберег тяжелую золотую цепь, доставшуюся ему при взятии Кипра, которую и собирался надеть на шейку миленькой своей куме; но вместе с цепью отдал он ей все свои поместья, седовласую голову, свою казну и белых кобылиц – одним словом, отдал все, как только увидел Бланш д'Азе танцующей павану среди турецких дам. И хотя мавританка, расплясавшаяся напоследок, удивила все общество быстрыми поворотами, круженьем, прыжками, порханьем и разными фокусами, однако

ж Бланш превзошла ее, по общему мнению, своей целомудренной грацией в танцах.

И сенешал Брюин, любуясь этой прелестнейшей девицей, ножки которой едва касались пола и которая резвилась в невинности своих семнадцати лет, подобно стрекозе, настраивающей свою скрипочку, почувствовал вдруг, как дряхлую его плоть сводит судорога старческого неодолимого желания, разливая жар по всем суставам, от пят до самого затылка, пощадив лишь голову, ибо трудно любви растопить снег, коим время осыпало кудри. И Брюин задумался, поняв, что не хватает жены у него в доме, и дом показался ему еще более печальным, чем когда-либо. Что хорошего, когда в замке нет хозяйки... словно колокол без языка. Жена – вот его последнее желание, которое оставалось неисполненным. А последнее желание надо исполнить не мешкая: ведь если г-жа д'Азе станет откладывать да тянуть, ему не миновать стать перебраться из здешнего мира в иной. И пока шумели гости на крестинах, он забыл, что изувечен в битвах и что уже перешагнул восьмой десяток, отчего реже стали его седые кудри. Мессир Брюин думал, что все еще достаточно зорки его глаза, коли он видит ясно свою куму, которая, следуя приказу матери, привечала его улыбкой и ласковым взглядом, полагая, что такой старый кум – соседство неопасное. Вследствие чего Бланш, невинная простушка в отличие от всех туренских девушек, шаловливых, как майское утро, позволила старцу поцеловать сначала ручку, а потом и шейку, ниже

дозволенного, по свидетельству архиепископа, обвенчавшего их неделю спустя. И до чего же прекрасную сыграли свадьбу, но прекраснее всего была сама невеста.

Названная Бланш была тонка и свежа несравненно, и лучше того – девственна, как сама девственность! До того девственная, что не имела понятия, что такое любовь и зачем и как она творится. До того была она невинна, что удивлялась, зачем это супруги нежатся в постели, и думала, что младенца находят в кочне капусты. Мать ее воспитала в полном неведении и если что объясняла, то разве только как ложку до рта донести. И так выросла Бланш цветущей и нетронутой, веселой, простодушной – словом, чистым ангелом, коему не хватало лишь крыльев, чтоб улететь в рай. И когда она, выехав из бедного жилища, где оставила плачущую мать, направилась на торжество бракосочетания в собор Святого Гатъена и Святого Маврикия, окрестные жители собрались поглазеть на невесту и на ковры, разостланные вдоль улицы Селери, и говорили они, что впервые столь крошечные ножки ступают по туренской земле и впервые глядят в туренское небо такие глазки. А такого праздника с цветами и коврами старожилы и не запомнят. Городские девки, те, что из квартала Святого Мартина и из пригорода Шато-Неф, завидовали густым золотистым косам невесты, коими Бланш, по их разумению, и подцепила себе графство; но еще больше хотелось им иметь платье, затканное золотом, и заморские драгоценности, и бриллианты, и цепи, коими Бланш поигрыва-

ла и кои навсегда приковали ее к названному сенешалу. Старый вояка подбодрился, стоя рядом с невестой, весь сиял, счастье так и сквозило сквозь все его морщины, так и светилося во взгляде его и в каждом движении. Хотя мессир Брюин и походил фигурой на кривой тесак, он все же старался вытянуться во фронт перед Бланш, не хуже ландскнехта, отдающего честь на параде; и все прикладывал к груди руку, будто от счастья у него спирало дыхание. Внимая перезвону колоколов, любуясь процессией и пышным свадебным поездом, о котором начали говорить уже на следующий день после праздника в архиепископском доме, вышеназванные девки размечтались – подавай им охапками мавританские души да уйму старых сенешалов, и чтобы градом сыпались крестины египтянок; но тот случай так и остался единственным в Турени, ибо наш край далеко от Египта и от Богемии. Г-же д'Азе после церемонии была вручена немалая сумма денег, с которой она и отправилась незамедлительно навстречу своему супругу по направлению к городу Акру, сопровождаемая начальником стражи и алебардщиками, которых граф де ла Рош-Корбон снарядил на свой счет. Благородная дама тронулась в путь сразу же после свадьбы, передав свою дочь с рук на руки сенешалу, слезно прося при том побережь ее. Вскоре она вернулась со своим супругом, рыцарем д'Азе, каковой оказался зараженным проказой, и она излечила мужа, усердно ухаживая за ним и не боясь, что проказа пристанет к ней. Сей поступок вызвал всеобщее одобрение.

По окончании свадебных празднеств, длившихся три дня, к великой радости туренцев, мессир Брюин с почетом повез Бланш в свой замок. Следуя обычаю, он торжественно уложил новобрачную в постель, каковую заблаговременно благословил мармустьерский аббат. После чего и сам Брюин возлег на супружеское ложе, которое возвышалось в огромной фамильной спальне де ла Рош-Корбонов, обтянутой зеленой парчой с золотыми нитями. Когда, весь надушенный, старик Брюин очутился бок о бок со своей хорошенькой женой, он сперва поцеловал ее в лобик, потом в грудь, белую, пухленькую, в то самое место, где недавно с ее разрешения застегнул пряжку тяжелой золотой цепи, и тем дело и кончилось. Старый распутник, слишком много о себе возомнив, надеялся довершить остальное, но, увы, пришлось отпустить амура на все четыре стороны. Напрасно из нижних зал, где все еще продолжались танцы, доносились веселые свадебные песни, эпиталамы и шутки. Брюин пожелал подкрепиться и хлебнул свадебного напитка из золотого кубка, тоже получившего по обычаю соответствующее благословение, однако же оное питье согрело ему лишь желудок, но отнюдь не воскресило того, что почило навеки. Бланш даже и не заметила такого обмана со стороны супруга, ибо она была девственна душою и в супружестве видела лишь то, что зримо глазам молоденькой девушки, как то: наряды, празднества, коней, а также то, что тебя называют дамой, госпожой, что ты графиня, что можешь веселиться и приказывать. Наивное дитя,

она перебирала пальчиками золотую бахрому полога и восхищалась пышностью усыпальницы, где предстояло увянуть цвету ее молодости.

Слишком поздно осознав свою вину, но не теряя надежды на будущее, хотя оно день за днем должно было разрушить и то малое, чем мог он еще располагать для утехи жены, сенешал решил попробовать заменить действие словом. И вот он стал развлекать Бланш разговором, сказал, что к ней перейдут ключи от всех шкафов, чердаков, баулов, полная и неограниченная власть над всеми его домами и поместьями, – словом, сулил ей и синицу в руки, и журавля в небе. И поняв, что она будет кататься, как сыр в масле, Бланш решила, что ее супруг – самый любезный кавалер на всем свете.

Усевшись в кровати, она с улыбкой любовалась зеленым парчовым пологом и радовалась, что будет отныне еженощно почивать на столь прекрасном ложе.

Видя, что Бланш разыгралась, хитрый вельможа, который с девушками знался редко, а водился чаще с куртизанками, помнил лишь, что женщины весьма бойки в постели, и убоялся игры прикосновений, случайных поцелуев и других выражений любви, на которые в былые времена достойно умел ответить, а ныне – увы! – они могли взволновать его не более, чем заупокойная месса о почившем папе. Итак, он отодвинулся к самому краю постели, опасаясь даров любви, и сказал своей слишком пленительной супруге:

– Ну, что ж, моя милочка, вот вы теперь и супруга сене-

шала и, в сущности, неплохо осенешалены.

– О нет! – ответила она.

– Как нет! – возразил Брюин в испуге. – Разве вы не дама?

– Нет, – повторила она. – Я буду дама, только когда у меня родится ребенок.

– Видели вы поля по дороге сюда? – заговорил старичок.

– Да, – сказала она.

– Ну, так они теперь ваши.

– Вот как! – ответила Бланш со смехом. – Я там буду бабочек ловить, резвиться.

– Вот и умница! – промолвил граф. – А как же лес?

– Ах, я туда одна не пойду, вы меня будете сопровождать.

Но, – прибавила она, – дайте мне немножечко того ликера, который варили для нас с таким старанием.

– А к чему он вам, душенька? От него внутренности жжет.

– Пусть жжет, – воскликнула она в раздражении, – ведь я хочу подарить вам как можно скорее ребеночка, а питье тому поможет!

– О моя малютка! – сказал сенешал, поняв, что Бланш была девственна до кончиков ногтей. – Для сего дела прежде всего необходимо соизволение Господа, и жена должна быть готова к принятию своего сеятеля.

– А когда же это будет? – спросила она улыбаясь.

– Когда того возжелает природа, – ответил он шутики ради.

– А что для того надо делать?

– О, тут нужны некие действия, каббалистические и ал-

химические, кои далеко не безопасны.

– А-а! – протянула она с задумчивым видом. – Вот почему матушка плакала, ожидая моего превращения, но Берта де Прейли ужасно важничает оттого, что сделалась женщиной, и она говорила мне, что ничего нет проще на свете.

– Сие зависит от возраста, – ответил старик. – Но скажите, видели вы на конюшне белую кобылицу, о коей так много говорят по всей Турени?

– Да, видела. Очень смиренная и статная лошадка.

– Так я вам дарю ее, и вы на ней будете скакать, когда вам захочется и сколько вам угодно.

– О, вы очень добры. Я вижу, что мне не солгали, когда так говорили о вас.

– Здесь, моя милочка, – продолжал он, – у меня есть эконом, капеллан, казначей, начальник конюшни, начальник кухни, бальи и даже кавалер Монсоро, молодой слуга по имени Готье, мой знаменосец, и он сам и его люди, командиры, солдаты и кони – все вам подвластны и будут исполнять ваши желания беспрекословно, под страхом виселицы.

– Но, – возразила она, – что касается того алхимического действия, разве нельзя его произвести немедленно?

– О нет, – сказал сенешал. – Для сего требуется, чтобы сначала на нас обоих снизошла благодать, иначе у нас родится злосчастный ребенок, отягченный грехами, что воспрещается законами церкви. Потому-то на свете и расплодилось такое множество неисправимых, негодных мальчишек.

Неблагодарные родители, видно, не стали дожидаться, пока очистятся их души, и чадам своим передали дурные наклонности. Прекрасные и добродетельные дети рождаются лишь от безупречных отцов. Вот почему мы и попросили мармустьерского аббата благословить наше ложе. Не нарушали ли вы в чем-либо предписаний святой церкви?

– О нет! – с живостью возразила Бланш. – Перед обедней я получила отпущение всех моих грехов, и с тех пор я не совершила даже самого маленького грешка.

– Вы, значит, вполне добродетельны!.. – воскликнул хитрый сенешал. – И я в восторге, что у меня такая жена, но я то бранился и сквернословил, как язычник.

– О, почему же?

– По той причине, что танцы слишком затянулись, и я не мог вас заполучить, привести сюда и поцеловать!

И он припал весьма изысканно к ее ручкам, осыпал их поцелуями и развлекал ее разными пустяками, чем она осталась очень довольна.

Так как Бланш чувствовала себя утомленной от танцев и всех церемоний, она снова прилегла, сказав сенешалу:

– Завтра я сама буду следить за тем, чтоб вы больше не грешили.

И она уснула, предоставив очарованному старцу любоваться ее светлой красотой, ее нежным телом; и все же был он в большом смущении, понимая, что сохранить ее в столь приятном для него неведении окажется не легче, чем объяс-

нить, почему быки непрестанно жуют свою жвачку. И хотя будущее не сулило ему ничего доброго, он так возгорелся, созерцая дивные совершенства Бланш, прелестной в невинном своем сне, что решил сохранить ее для себя одного и зорко оберегать сей чудесный перл любви. И со слезами на глазах стал он целовать ее мягкие золотистые волосы, прекрасные веки, ее алые и свежие уста, действуя с превеликой осторожностью, в страхе, что она проснется... Вот и все, что он познал в первую брачную ночь, – немые услады жгли ему сердце, а Бланш не шелохнулась. И бедняга горько оплакивал зимний хлад своей старости и понял, что Бог подшутил над ним, дав ему орехов в ту пору, когда у него уже не осталось зубов.

Глава вторая

Как сенешал Брюин укрощал свою девственную супругу

В течение первых дней медового месяца сенешал придумывал разные глупые отговорки, злоупотребляя похвальным неведением своей супруги. Прежде всего сослался он на доuku сенешальских своих обязанностей, которые побуждают его столь часто оставлять ее одну. Потом отвлек ее сельскими забавами, повез на сбор винограда в свои виноградники близ Вувре и все старался убаюкать разными рассказами. То он утверждал, что людям благородного звания не следует вести себя как всякой мелкоте, что зачатие графских детей происходит лишь при известном расположении небесных светил, каковое определяется учеными астрологами. Или же говорил, что надо воздерживаться от зачатия детей в праздники, ибо сие есть тяжелый труд. Он же соблюдает праздники, желая без помехи попасть в рай. А то заявлял, что если на родителей не снизошла благодать Божья, то ребенок, зачатый в день святой Клары, родится слепым, а если в день святого Генуария, то тогда у него будет водянка, а в день святого Анания – парша, а святого Рока – непременно чума. Потом стал объяснять, что зачатые в феврале – мерзляки, в марте – драчуны, в апреле – никудышные, а

хорошие мальчики все майские. Словом, он, сенешал, хочет, чтобы его ребенок был совершенством, семи пядей во лбу, а для сего требуется благоприятное совпадение всех обстоятельств. Иной раз он говорил Бланш, что мужу дано право дарить ребенка своей жене, когда на то будет его воля, и ежели она добродетельная женщина, то и должна подчиняться желанию своего супруга. Потом, оказывается, надо было дожидаться, чтоб мадам д'Азе вернулась, дабы могла присутствовать при родах. Из всего этого Бланш уразумела лишь одно: сенешал недоволен ее просьбами и, должно быть, прав, ибо он стар и умудрен опытом. Итак, она покорилась, но думала про себя о столь желанном младенце, вернее, только о нем и думала, как всякая женщина, если что-нибудь ей в голову взбредет, и не подозревала, что уподобляется в своей настойчивости куртизанкам и девкам, каковые, не стесняясь, гонятся за удовольствиями. Однажды вечером Брюин случайно заговорил о детях, хотя обычно избегал таких речей, как кошка воды, но тут, забывшись, стал жаловаться на слугу, наказанного им поутру за важный проступок.

– Наверно, – сказал сенешал, – этот малый произошел от родителей, обремененных смертными грехами.

– Что ж, – возразила Бланш, – если вам угодно подарить мне ребенка, то не бойтесь, не ждите отпущения грехов, я направлю нашего младенца на стезю добродетели, и вы будете довольны.

Тут граф понял, что жена его одержима своим желанием

и что настало время вступить в борьбу, дабы одолеть его, вытравить, обуздать, пришибить, усыпить, загасить.

– Как это так, милочка, вы хотите стать матерью, – сказал он, – а еще не знаете дамского ремесла и не привыкли быть хозяйкой замка.

– Ах! – воскликнула она. – Значит, чтоб стать настоящей графиней и носить во чреве маленького графа, я должна сначала уметь изображать даму! Ну что ж, я и этому научусь наилучшим образом.

Итак, Бланш, желая добиться потомства, стала охотиться за оленями и дикими козами, перепрыгивала через рвы, скакала на белой своей кобылице по долинам и холмам, через поля и леса. Она с удовольствием глядела, как кружат ее соколы, сама снимала с них колпачок, ловко держала их на своем маленьком кулачке, охотилась с утра до ночи. Сбылось пожелание сенешала! Но Бланш меж тем копила силы, нагуливая себе волчий аппетит. Иной раз, читая надписи на дорогах или же разлучая смертоносной стрелой птиц и диких зверей, застигнутых в любовной близости, Бланш подвергалась алхимическому действию самой природы, которая окрашивала румянцем ее лицо и волновала ей кровь. Это не способствовало умиротворению ее воинственной натуры, а лишь сильнее раздражало ее желание, выражавшееся смехом, трепетом и шаловливыми фантазиями. Сенешал, надеясь обезоружить мятежное девство супруги, отправил ее гарцевать по полям, но обман не привел к добру, по той при-

чине, что неизведанная страсть, кипевшая в жилах охотницы, этой скачкой лишь подстегивалась, требуя игр и турниров, как паж, только что посвященный в рыцари. Добрый сенешал уразумел тогда, что он просчитался и что не бывает прохладного местечка на жаровне. И не знал, какую еще задачу задать могучей амазонке, ибо чем больше старался он утомить ее, тем крепче она становилась. В этом бою один должен пасть от дьявольских козней, так пусть с Божьей помощью избегнет он сего унижения, пусть оно падет на его голову лишь после смерти.

Бедный сенешал уже и сейчас с превеликим трудом сопровождал супругу свою на охоту. Он потел под своей амуницией и едва был жив от усталости, а ловкая его графиня набиралась сил и веселилась. Случалось, что во время ужина ей вдруг приходила охота танцевать. Старик под тяжестью расшитого камзола изнемогал от упражнений, в коих обязан был принимать участие, – то подавай жене руку, когда она выплясывает не хуже мавританки, то держи перед ней зажженный факел, когда она исполняет танец с подсвечником, и, невзирая на боли в пояснице, чирьи и ревматизмы, улыбайся, произноси любезности и расточай похвалы после всех этих прыжков, гримас и комических пантомим, которыми она развлекалась. Брюин был без ума от своей супруги – попроси она у него хоругвь из храма, он побежал бы за ней во всю прыть.

Однако ж в один прекрасный день почувствовал он, что

старые его кости не дают ему бороться с резвой натурой супруги. И, униженно признав свое бессилие перед ее девственностью, махнул он на все рукой, хотя и рассчитывал в душе на стыдливость и христианскую чистоту Бланш. Но все же он лишился сна, ибо подозревал, что Господь Бог сотворил девушек для любви, подобно тому, как куропатки созданы для вертела. Однажды в хмурое утро, когда после обильного дождя улитки выползают на дорогу и все навевает меланхолическую истому, Бланш отдыхала в креслах, погруженная в мечты, ибо ничто так не согревает плоть до последнего суставчика, будь то даже зелье самое сладостное, самое жгучее, проникающее, пронизывающее и живительное, нежели ласковое тепло, что накапливается меж пуховой подушкой и нежным пушком, покрывающим девичью кожу. Не ведая сама, что с ней творится, графиня тяготилась своей девственностью, которая нашептывала ей всякую ересь и досаждала сверх меры.

Видя, как томится его супруга, старик огорчился и решил, что пора рассеять думы, кои уводят любовь от супружеского ложа.

– Что за причина вашего уныния, милочка? – спросил он.

– Стыд.

– Чего же вы стыдитесь?

– Позор моей добродетели, ежели у меня до сих пор нет ребенка, а у вас потомства! Какая же это дама без детей? Никакая. Взгляните, у всех наших соседок есть дети. Я вышла

замуж, желая стать матерью, а вы женились, желая стать отцом. Все дворяне Турени многодетны, их жены рожают целыми выводками. Вы один бездетный. Над нами будут смеяться. Что станется с вашим именем, с вашими родовыми землями, кто наследует ваш титул? Ребенок – драгоценное сокровище матери; великая радость для нас завертывать его, пеленать, одевать, раздевать, ласкать, качать, баюкать, будить поутру, укладывать ввечеру, кормить, и чувствую, что, достанься мне хоть плохонький, я бы целые дни его укачивала, ласкала, свивала, развивала на нем пеленки, подбрасывала его и смешила, как и все замужние дамы.

– Но нередко случается, что при родах женщина умирает, а вы, чтоб родить, еще слишком тонки и не развились, не то вы давно уже были бы матерью, – ответил сенешал, ошеломленный сим словесным фонтаном. – Не хотите ли купить готовенького? Он ничего не будет вам стоить – ни страданий, ни боли...

– Нет, – сказала она, – я хочу страдания и боли, без того он не будет нашим. Я отлично знаю, что он должен выйти из меня, ибо слышала в церкви, что Иисус – плод чрева матери своей, Пресвятой Девы.

– Тогда давайте помолимся, чтоб так и было, – воскликнул сенешал, – и обратимся к Святой Деве Эгриньольской. Многие женщины зачали после девятидневной молитвы, почему бы и нам тоже не попробовать.

В тот же день Бланш отправилась в Эгриньоль, к Божьей

Матери. Она выехала из дома, будто королева, на красивой своей кобылице, в зеленом бархатном платье, зашнурованном тонкой золотой тесьмой и открытом до самых персей. У нее были алые манжеты, крошечные сапожки, высокая шапочка, расшитая драгоценными камнями, и золоченый пояс, обхватывавший ее талию, гибкую, как тростинка. Бланш намеревалась подарить свой наряд госпоже Деве Марии и обещала преподнести свой дар Божьей Матери в день очистительной молитвы после родов. Мессир Монсоро гарцевал перед ней, сверкая ястребиным взором, оттеснял народ и наблюдал со своими всадниками за безопасностью пути. Август выдался знойный, и Брюин, разомлев от жары, задремал, неуклюже покачиваясь на своем иноходце. Увидя веселую и хорошенькую жену рядом с таким старым хрычом, крестьянка, присевшая на пень напиться водички из глиняного кувшина, спросила у беззубой ведьмы, которая подбирала рядом колосья, кляня свою бедность:

– Не едет ли это принцесса, чтоб Смерть утопить?

– Ничуть, – ответила старуха, – это наша госпожа Рош-Корбон, супруга сенешала Пуату и Турени, и едет она вымалывать себе ребенка.

– Ах! – воскликнула молодая девка и, зажужжав, как взбесившаяся муха, указала на статного красавца Монсоро, ехавшего во главе поезда. – Ну, если этот молодец за дело примется, то она много денег на свечи и на попов не истратит.

– Ах, моя красавица, – продолжала старая ведьма, – див-

люсь я, что это графине вздумалось к Эгриньольской Божьей Матери ехать, священники там не ахти как хороши. Ей бы лучше остановиться на часок, посидеть у мармустьерской колокольни, сразу бы и понесла, уж очень там святые отцы резвы.

– Черт с ними, с монахами, – вмешалась третья крестьянка. – Взгляните на кавалера Монсоро – и горяч, и пригож, ему ли не открыть сердце оной дамы, тем паче, что в нем уже трещинка есть.

И тут наши кумушки залились хохотом. Юный Монсоро хотел было их повесить на первой осине в наказание за непотребные речи, но Бланш воскликнула:

– О мессир, пока не вешайте их, они не все еще досказали! На обратном пути послушаем, тогда и решим.

И она вся зарумянилась, а Монсоро взглянул на нее в упор, как бы желая вселить в ее сердце тайное понимание любви. Но от речей бойких кумушек уже взбудоражились все мысли графини Брюин, и немудреные слова уже пустили росток в ее сердце. Девственность ее стала подобна труту – от одного слова могла вспыхнуть. Только теперь юная Бланш увидела приметные различия между внешними достоинствами старого ее супруга и совершенствами Готье Монсоро, которого не слишком тяготили его двадцать три года, так что держался он в седле прямо, как кегля, и был бодр, как первый звон к заутрене, меж тем как сенешал все время подремывал. Готье был ловок и расторопен в том, в

чем его хозяин сдавал. Соседство таких горячих молодцов некоторые красотки предпочитают всем своим ночным уборам, полагая, что оно вернее предохраняет от блох. Некоторые их за это поносят, чего делать не следует, ибо каждый вправе спать, как ему заблагорассудится.

Много дум передумала графиня в пути и додумалась до того, что, подъезжая к Турскому мосту, уже воспылала к Готье страстью, тайной и безрассудной, как может любить лишь девица, не знающая, что такое любовь. Итак, стала она доброжелательной, ибо пожелала добра ближнего своего, самого лучшего, чем обладает мужчина. Она впала в любовный недуг, опустясь в мгновение ока на самое дно страданий, ибо весь путь, от первого до последнего вздоха вожделения, охвачен огнем. А ведь до того она не знала, что стало ей ведомо теперь: что через взоры может передаваться некий тончайший бальзам, причиняющий жестокие потрясения во всех уголках сердца, бегущий по всем жилкам, по мышцам, вплоть до корней волос, вызывая испарину во всем естестве, проникая в самые мозги, в поры кожи, во все внутренности, гипохондрические сосуды и прочее; и все в ней сразу расширилось, загорелось, взыграло, прониклось сладкой отравой, взбунтовалось и затрепетало, словно ее кололи тысячи иголок. И столь опьянило девственницу вполне понятное волнение, что затуманился ее взор, и вместо старого своего супруга видела она Готье, которого природа наградила столь же щедро, как иного аббата, коему она дарует второй подбо-

родок сверж положенного человеку. Когда наш старец въехал в город, его разбудили приветственные клики толпы, и весьма торжественно со всей своей свитой он проследовал в собор Эгриньольской Богоматери, каковую в старые времена называли «Достойнейшая». Бланш направилась к часовне, где у Господа Бога и Девы Марии вымаливают дамы себе потомство, и, по обычаю, вошла туда одна, а сенешал, свита его и любопытные остались за решеткой. Когда графиня увидела старика монаха, в обязанность коего входило служить молебствия об избавлении от бесплодия и выслушивать обеты богомольцев, спросила она названного монаха, много ли есть на свете женщин бесплодных. На что монах ответил, что жаловаться на сие было бы грех, ибо младенцы приносят изрядный доход святой церкви.

– А часто ли вам случается видеть, – продолжала Бланш, – молодых женщин, у которых были бы столь старые супруги, как сенешал?

– Редко, – ответил монах.

– Но дождались ли сии женщины когда потомства?

– Всенепременно, – ответил монах с улыбкой.

– А те, у которых мужья помоложе?

– А те не всегда.

– О, значит, с таким супругом, как сенешал, дело обстоит вернее?

– Вне сомнения, – ответил монах.

– А почему?

– Потому, госпожа, – с важностью промолвил монах, – что до сего возраста единый Бог в это дело вмешивается, а после участвуют в нем люди.

В те времена, как известно, вся ученая премудрость была достоянием духовных лиц. Бланш произнесла обет, и дар ее был одним из самых богатых, ибо одежды ее стоили не менее двух тысяч золотых.

– Вы весьма веселы, – сказал ей граф, когда на обратном пути она поднимала на дыбы, горячила и заставляла плясать свою кобылицу.

– О да, отныне я верю, что рожу ребенка. Но раз нужны для того чьи-либо труды, как сказал мне монах, то решила я обратиться к Готье.

Старик тут же возжелал убить монаха, но одумался, ибо такое преступление слишком дорого ему стоило бы, и он порешил отомстить с помощью архиепископа, самому же остаться в стороне. Еще не доехав до Рош-Корбона, он приказал мессире де Монсоро отправляться к себе на родину поискать ветра в поле, что молодой Готье не преминул выполнить, помня былые подвиги своего хозяина.

А на место названного Готье Брюин призвал сына дворянина Жаланж, поместье коего входило в феод Рош-Корбон. То был юноша по имени Ренэ, еще не достигший четырнадцати лет, и граф назначил его пажом, полагая позднее произвести в оруженосцы, а командование над своими людьми препоручил старому рубাকে, с коим немало натворил дел в

Палестине и в иных странах. Действуя так, граф надеялся оградить себя от ношения налобника с ветвистыми рогами и решил попытаться обуздать, укротить, осадить непокорное девство своей супруги, по причине коего она металась, как кобылица, запутавшаяся в аркане.

Глава третья

Что есть грех невольный

В воскресенье, следующее за прибытием юного Ренэ в замок ла Рош-Корбон, отправилась Бланш на охоту, оставив дома старого Брюина, и когда въезжала в лес неподалеку от монастыря Карно, то увидела монаха, который прижал девушку с ретивостью, не безопасной для жизни бедняжки, и потому, пришпорив лошадь, графиня пустилась вскачь, крикнув своим людям:

– Эй, помогите, как бы он ее не убил!

Но, подскакав поближе, круто повернула, ибо зрелище того, что совершил монах, испортило ей всю охоту. В раздумье воротилась она домой, и с той поры мозг ее озарился, словно зажгли в темноте фонарь, и в лучах его предстали изображения на стенах церкви и другие картины, строки фаблио, сказки трубадуров и повадки птиц. И неожиданно уразумела она сладостную тайну любви, о которой рассказывает природа на всех сущих языках, даже на языке безгласных рыб. Нет большего безумия, чем скрывать сию науку от девственниц! Бланш легла спать в ранний час и, отходя ко сну, сказала мужу:

– Брюин, вы меня обманули! Вы должны поступить со мной, как тот монах с девушкой.

Старый Брюин догадался, о чем идет речь, и почуял, что

настал роковой час. И, кинув на Бланш обжигающий взгляд, в коем страсть все еще не хотела сдаваться, тихо промолвил:

– Увы, милочка, когда брал я вас в жены, любви в моем сердце было много, а силы в теле мало, и понадеялся я на вашу милость и добродетель. Вся беда моя в том, что могу я любить теперь лишь сердцем. И беда эта приблизит мою кончину, так что скоро вы станете свободной. Подождите же, когда я отойду в мир иной. Вот единственная просьба, с которой обращается к вам ваш господин, тот, кто мог бы приказывать вам, но желает быть лишь вашим подданным, слугой вашим. Не позорьте же моих седин. Случалось, что в подобных обстоятельствах мужья убивали своих жен.

– Увы, значит, вы меня убьете? – промолвила она.

– Нет, я слишком люблю тебя, – ответил старец. – Ведь ты цветок моей старости, радость моей души. Ты моя возлюбленная дочь! Твоя краса – отрада моих очей, и от тебя я все приму, и горе и счастье. Я дал тебе полную свободу, докажи, что ты не так уж ненавидишь бедного Брюина, который сделал тебя важной дамой, богатой и всеми чтимой. А какая прекрасная из тебя выйдет вдова! Поверь, счастье твое облегчит мне мою кончину.

И на глаза его, не знавшие слез, набежала горячая слеза и скатилась по щеке его, бурой, как сосновая шишка, и упала на руку жены; тронутая великой любовью старца, готового лечь в могилу ей в угоду, она воскликнула со смехом:

– Полно-полно, не плачьте, я подожду!

Тогда сенешал стал лобзать ее ручки и улещать жену нежными словечками, произнося с волнением в голосе:

– Если б ты знала, Бланш, голубка моя, как я ласкал, как целовал тебя, пока ты спала, вот сюда и вот тут...

И старый сатир поглаживал ее обеими руками, костлявыми, как руки скелета.

– Но я, – продолжал он, – не смел разбудить зверя, который оскорбил бы мою честь, ибо в любовном моем приближении участвовало только сердце.

– Ах, вы можете меня ласкать, – перебила она супруга, – даже когда я не сплю, мне от этого вреда не будет.

В ответ на эти слова бедный граф взял с ночного столика маленький кинжал и, подавая его Бланш, произнес в неистовой ярости:

– Убей меня или скажи, что ты меня любишь, хоть самую малость!

– Да-да, я постараюсь крепко вас полюбить! – воскликнула она в испуге.

Вот так-то молодая девственница поработила его, забрала власть над стариком и с хитростью, свойственной женскому полу, стала гонять взад и вперед бедного графа, словно мельник своего осла: вот, мол, тебе за то, что оставил невозделанным прекрасное поле Венеры... Брюин... Брюин, милый, подай мне то... Брюин, подай мне се... скорее, Брюин! И туда Брюин, и сюда Брюин, так что Брюин исстрадался более от милостей своей супруги, нежели от ее немилости. То вдруг

понравится пурпуровый цвет, и надо немедля все в доме менять, то вдруг нахмурит брови, и тогда развязывай мошну. А когда она бывала грустна, граф, сидя в своем судейском кресле, приказывал: «Вешать!» – правого и виноватого. Другой на его месте пропал бы, как муха, в этой бабьей войне, но Брюин оказался железной породы, и добить его было нелегко. Однажды перевернула Бланш весь дом вверх дном, загоняла людей и скотину и своими капризами могла бы довести до отчаяния самого отца небесного, у коего терпение неиссякаемо, ибо он терпит нас, грешных. А ложась спать, сказала она сенешалу:

– Мой добрый Брюин, меня одолели всякие фантазии, они жалят и колют меня, добираются до сердца, до мозга и толкают меня на злые поступки, а по ночам мне все чудится монахах из Карно.

– Голубка моя, – ответил сенешал, – все это чертовщина и соблазн, против чего умеют защищаться монахи и монахини. Потому ради спасения вашего следует вам пойти на исповедь к достойному мармустьерскому аббату, соседу нашему; он даст вам совет и отечески наставит вас на путь истины.

– Я завтра же отправлюсь, – ответила она.

Едва забрезжило утро, как Бланш отправилась в монастырь благочестивых братьев, которые, дивясь посещению такой прелестной дамы, совершили вечером не один грех, но в тот час весьма учтиво проводили ее к достойному аббату.

Бланш застала названного аббата во внутреннем саду, под

цветущей аркой, около утеса. Она остановилась в благоговении, пораженная строгой осанкой святого отца, хотя и не привыкла трепетать перед почтенными сединами.

– Храни вас Господь, графиня, – сказал аббат, – что ищете вы, такая молодая, столь близко от смерти?

– Ваших драгоценных советов, – ответила та, приседая перед ним. – И если вы соблаговолите наставить заблудшую овцу, я буду весьма счастлива иметь такого мудрого духовника.

– Дочь моя, – отвечал монах, с которым старый Брюин заранее сговорился, прося его слукавить и сыграть комедию пред молодой графиней. – Если б над моей лысеющей головой не пронеслось сто студеных зим, не стал бы я слушать ваших грехов... но говорите. И если вы попадете в рай, пусть сие совершится с моей помощью.

Тогда супруга сенешала выбросила перед ним всю мелкую рыбешку из своего сачка и, очистившись от малых доук, дошла до главной причины, приведшей ее на исповедь.

– Ах, отец мой, я должна вам открыть, что ежедневно я мучима желанием зачать ребенка... грех ли это?

– Нет, – ответствовал аббат.

– Но по воле природы супругу моему не дано открыть кошель и подать на бедность, как говорят нищие на дорогах, – промолвила графиня.

– В таком случае вы должны жить в чистоте, бежать от помыслов подобного рода, воздерживаться, – отвечал аббат.

– Но я ведь слышала проповедь в церкви Богоматери Жа-

ланжской, что нет в том греха, если не извлекаешь ни прибыли, ни удовольствия.

– И удовольствие вы получите, – сказал аббат, – и ребенка, а его можно счесть прибылью! Посему уразумейте и запомните, что смертный грех пред Богом и преступление пред людьми совершает та женщина, что зачнет от мужчины, с которым ее не соединила церковь; оные жены, нарушающие святые законы брака, понесут великую кару на том свете, отданы будут на произвол страшных чудовищ с острыми когтями, с вилами; теми вилами вкинут они грешницу в огненную печь за то, что в земной жизни накаляла она свое сердце свыше того, чем дозволено.

На что Бланш, почесав себе за ушком и немного подумав, спросила:

– А как поступила Дева Мария?

– О, сие есть чудо, – отвечивал аббат.

– А что такое чудо?

– Нечто необъяснимое и во что следует верить, не рассуждая.

– А почему бы мне не совершить чуда?

– Сие чудо случилось лишь однажды, ибо родившийся был сын Божий, – сказал священник.

– Неужели, отец мой, мне, по воле Божьей, суждено умереть или из разумной и здоровой женщины стать помешанной, а ведь это мне угрожает! Не только вся я томлюсь и сгораю, но мысли мои мутятся, и ничто мне не мило; чтобы при-

близиться к мужчине, я готова лезть через стены, бежать через поля, ничуть не стыдясь, и ничего бы не пожалела, лишь бы узнать, чего добивался монах из Карно. И когда накатит на меня такое и начнет терзать мое тело и душу, тогда нет мне ни Бога, ни черта, ни мужа, – вся дрожу, бегу, врываюсь в трапезную, бью посуду, мчусь на птичий или на скотный двор, все крушу, так что и передать нельзя. Но я не стану сознаваться вам во всех своих проступках по той причине, что меня от слов одних в жар бросает, и чувствую я нестерпимый зуд, будь он проклят. Пусть уж лучше я совсем умилюсь и добродетели вместе с ним. Неужели Бог, вложивший в мою плоть эту великую любовь, проклянет меня?

В ответ на эти слова теперь уж священник почесал у себя за ухом, весьма дивясь, что девство может порождать столь жалобные песни, глубокие мысли и рассуждения.

– Дочь моя, – сказал он, – Бог отличил нас от животных и создал рай, каковой есть наша награда, потому-то и дан нам разум, кормило среди бурь, управляющее нашими суетными желаниями. Есть еще и другие способы обуздать плотское буйство – посредством поста, усиленных трудов и прилежания. И, вместо того чтобы сновать и метаться, как сорванный с цепи сурок, вам следует молиться Деве Марии, спать на голых досках, заботиться о хозяйстве, а не пребывать в праздности.

– Ах, отец мой, когда я в церкви сижу на своей скамье, я никого не вижу, ни священника, ни алтарь, а только младен-

ца Христа, и одолевает меня все то же желание. А что, если вдруг закружится у меня голова, помрачится мой рассудок, ведь могу я попасть в силки любви?

– Если б то случилось с вами, – вымолвил неосторожно аббат, – вы уподобились бы святой Лиодоре, которая однажды крепко заснула, немного раскинувшись по случаю большой жары, при том же и одета была весьма легко. К ней подкрался юноша, исполненный скверных намерений, овладел ею во время сна, и зачала она. И поскольку названная святая в неведении оставалась о своей беде, то весьма удивилась, когда подошло ей время родить, ибо полагала, что чрево ее пухнет по причине какого-нибудь тяжкого недуга. Она покаялась, и дано ей было отпущение, как от греха невольного, раз не испытала она никакой утехи от сего преступного насилия, ибо не проснулась и была неподвижна, как свидетельствовал перед казнью сам злодей, каковой и был обезглавлен.

– Ах, отец мой, можете не сомневаться в том, что я не шелохнусь не хуже вашей святой.

С этими словами Бланш, улыбнувшись, поспешила уйти, веселясь и играя, и все думала, как бы и ей совершить невольный грех. Вернувшись из обители, она увидела во дворе юного пажа, которого обучал старик конюший лихому наездничеству; юноша, гарцуя по кругу на чистокровном коне, как бы сросся с ним, подымал его на дыбы, бросал вперед, проделывая всякие вольты, посылая коня то галопом, то рысью, скакал, приподнимаясь на седле, и был до того милости-

ден, ловок, поворотлив, что и описать невозможно. Словом, мог бы он соблазнить самую добродетельную Лукрецию, лишившую себя жизни после совершенного над нею насилия.

«Ах, жаль, что нашему пажу еще не минуло пятнадцати лет, я бы крепко уснула где-нибудь поблизости от него», – подумала Бланш.

Но, несмотря на слишком юный возраст красивого паж, во время вечерней трапезы она заглядывалась на черные его кудри, на белизну и румянец, на изящные движения; особенно ей понравились его глаза, где играла прозрачная влага и живой огонь, который он, как дитя малое, страшился обнаружить перед посторонними.

Позднее, вечером, когда супруга сенешала сидела, задумавшись, в креслах у огня, старый Брюин спросил, чем она озабочена.

– Я думаю, – ответила она, – что вы, должно быть, весьма рано начали свои любовные похождения, если стали такой развалиной.

– О, – ответил он, улыбаясь, как все старцы, когда их просят припомнить шалости юных лет. – Мне не было и четырнадцати, когда я обрюхатил служанку моей матери.

Бланш только того и нужно было, она подумала, что и паж Ренэ, должно быть, вошел уже в силу, и, развеселясь, стала теревить старого графа, затаив в себе желание слаще меда сладчайшего.

Глава четвертая

Каким образом и с чьей помощью появился на свет некий младенец

Супруге сенешала недолго пришлось раздумывать, как пробудить скороспелую любовь в отроке, она раскинула ловушки, куда сам собой попадает наисильнейший зверь. И вот как это произошло. В жаркий полдень старый граф имел обыкновение возлежать после трапезы по сарацинскому обычаю и привычки этой никогда не изменял со времени своего возвращения из Святой земли. В тот час Бланш либо гуляла одна в поле, либо развлекала себя женским рукоделием, как то: вышиванием и шитьем. Но чаще всего, не покидая замка, наблюдала за стиркой или за уборкой скатертей, а то бродила по замку. Тогда-то ей и пришло в голову посвятить сей тихий час досуга занятиям с пажом, дабы довершить его воспитание чтением книг и повторением молитв. И вот на другой же день, как только сенешал уснул, изнемогая от солнца, которое так и палит в этот час на холмах Рош-Корбона (да что и говорить, полезнее было старику соснуть, чем крутиться, вертеться и терпеть муку от дьявольских проделок неугомонной девственницы), Бланш взобралась на парадное графское кресло, решив, что это высокое сиденье будет ей очень кстати, если кто случайно поглядит снизу; лу-

кавая особа весьма удобно расположилась в этом кресле, подобно ласточке в гнездышке, и склонила милое свое личико на руку, словно уснувшее дитя. Но, приготавливаясь таким образом, она смотрела вокруг себя жадными, веселыми глазами, улыбаясь заранее всяким тайным радостям, каковые принесут ей вздохи и смущенные взоры юного пажа, ибо она собиралась усадить его у своих ног на расстоянии не большем, чем может прыгнуть старая блоха. И впрямь она весьма ловко разостлала бархатный четырехугольный коврик, где должен был преклонить колени бедный мальчик, жизнью и душой коего Бланш собиралась всласть наиграться, здраво рассудив, что даже святой, вытесанный из камня, ежели заставить его взирать на складки атласных юбок, не преминет заприметить и залюбоваться совершенством прекрасной ножки, обтянутой белым чулком. И немудрено, что слабый паж попался в силки, из которых и богатырь не стал бы вырываться. Вертясь и пересаживаясь то так, то этак, Бланш наконец нашла положение, при котором названные силки были наилучшим образом расставлены, и тут тихонько позвала: «Ренэ! Ренэ!» – зная, что мальчик находится рядом в зале, где помещалась стража. Он тотчас прибежал на ее зов, и вот чернокудрая голова уже показалась между драпировками входной двери.

– Что вам будет угодно приказать? – спросил паж.

И он стоял, учтиво нагнувшись и держа в руке свой бархатный алый берет, а румяные свежие щеки его с ямочками

были еще алее берета.

– Подойдите сюда, – позвала она прерывающимся голо-
сом, взволнованная его присутствием до того, что совсем не
помнила себя.

Да и то сказать, не было на свете драгоценных камней,
которые блистали бы подобно очам Ренэ, не было полотна
белее его кожи, не было даже у женщин столь изящного сло-
жения. И он казался ей сугубо пленительным от близкой воз-
можности исполнить свое желание. Легко можно себе пред-
ставить, как увлекательна игра любви, когда она разгорается
при свете юных глаз и солнца, при тишине и прочем.

– Читайте мне славословие Богородице, – сказала она,
протягивая пажу открытую книгу, лежавшую на пюпитре. –
Мне надобно знать, хорошо ли обучает вас ваш учитель. Как
прекрасна Дева Мария, не правда ли? – спросила Бланш,
улыбаясь, когда он взял в руки часослов, страницы которого
были расписаны лазурью и золотом.

– Это же картинка, – ответил он скромно, бросая робкий
взгляд на свою прелестную госпожу.

– Читайте, читайте!

Тогда Ренэ стал прилежно произносить сладостную ми-
стическую хвалу, но ответные слова Бланш: «*Ora pro nobis*»²
– звучали все слабее и слабее, подобно отдаленному пению
рога, и когда Ренэ с жаром повторил: «О, роза сладчай-
шая», – графиня, прекрасно слышавшая эти слова, ответила

---

² *M*олись за нас (*лат.*).

легким вздохом. Вследствие сего Ренэ подумал, что супруга сенешала уснула. Он не мог оторвать от нее восхищенных взоров, смело ею любовался, и ему не надо было иных песнопений, кроме гимнов любви. От счастья стучало и чуть не разрывалось сердце его. И, понятно, два чистых пламени горели один другого жарче, и если б кто увидел их вместе, понял бы, какая им грозит опасность. Ренэ наслаждался лицезрением Бланш и находил тысячу прелестей в этом пышном цветке любви. Забывшись в восторге, уронил он книгу и тут же устыдился, словно монах, застигнутый врасплох за детским грехом, но благодаря сему происшествию понял, что Бланш и в самом деле крепко уснула, ибо она не шелохнулась. Она не открыла бы глаз и при большей опасности и надеялась, что свалится нечто иное, чем часослов. Известно, что желание понести дитя есть одно из самых навязчивых желаний! Итак, юноша заметил ножку своей госпожи, обутую в крохотную голубую туфельку. Ножка поставлена была на скамеечку необычным образом по той причине, что графиня сидела слишком высоко в креслах своего супруга. Ножка была узенькая, с красивым изгибом и шириной не более чем в два перста, а длиной с воробышка, с миниатюрнейшим носком, одним словом, ножка, для наслаждения созданная, истинно девичья, достойная поцелуя, подобно тому, как разбойник достоин петли, и такая многообещающая ножка, что ангела могла бы низвести с небес, сатанински дразнящая, и, глядя на нее, хотелось создать еще хоть пару подоб-

ных ножек, точь-в-точь таких же, дабы умножить на сей земле прекрасные творения Господа. Так бы и разул эту красноречивую ножку. Собираясь исполнить задуманное, перебежал он взорами, где светилась пылкая юность, от названной ножки к лицу спящей дамы и обратно. Так раскачивается язык колокола, прежде чем ударить. Ренэ прислушивался к ее сну, пил ее дыхание и не мог решить, что слаще – прильнуть ли поцелуем к ее свежим алым устам или же поцеловать заманчивую ножку. И, наконец, из уважения ли, а может быть, убоясь ее гнева, или от великой любви, выбрал он ножку и поцеловал ее крепко, но еще несмело и тут же схватил книгу, чувствуя, что краснеет все более и более, и, задыхаясь от восторга закричал, как слепой на паперти: «O, Ianua coeli!»³

Но Бланш отнюдь не проснулась, ожидая, что паж от ножки вознесется к колену, а оттуда прямо в небеса. И почувствовала она глубокое разочарование, когда молитвословие кончилось, не принеся ей дальнейшего ущерба, и когда Ренэ, решивший, что счастья перепало ему на целую неделю, убежал, испарился, более обрадованный сим похищенным поцелуем, чем самый дерзкий вор, унесший кружку с пожертвованиями для бедных.

Оставшись одна, супруга сенешала испугалась в глубине души своей, что юноша, пожалуй, никогда не дойдет до дела, ежели они ограничатся чтением «Magnificat». Тогда она

---

³ O небесные врата! (лат.)

придумала, что на следующий день чуть приподнимет ножку, дабы краешком показать совершенства, кои туренцы называют «нетленными» по той причине, что они от воздуха никогда не портятся и свежести не теряют.

Уж поверьте, что после вчерашнего дня паж, воспламененный своим желанием, а еще более воображением, нетерпеливо поджидал часа чтения требника любви. И он не ошибся, его призвали, и снова началось славословие, за которым Бланш не преминула заснуть. На этот раз наш Ренэ провел рукою по прелестной ножке и осмелился даже проверить, насколько гладко колено и везде ли так же атласна кожа. В чем он и убедился, но страх столь сильно сковал его желанья, что он едва прикоснулся к ножке робким поцелуем и тут же притаился. Уловив эти колебания чутким сердцем и понятливой плотью, графиня, изо всех сил сдерживаясь, чтобы остаться неподвижной, крикнула пажу:

– Ну же, Ренэ, я сплю!

Приняв ее возглас за суровый укор, испуганный паж убежал, бросив книгу и начатое дело. По сему случаю супруга сенешала присовокупила к славословию следующую свою молитву:

– Святая Дева, как трудно с детьми!

Во время обеда паж обливался холодным потом, когда ему приходилось прислуживать своему господину и его супруге, и как же он был удивлен, поймав взгляд графини, самый красноречивый и жаркий из всех взглядов, когда-ли-

бо брошенных женщиной, и какая же сила заключалась в этом взгляде, если им невинный отрок был сразу превращен в смелого мужчину.

Вечером этого же дня, по той причине, что Брюин задержался дольше обычного по своим судейским делам, паж отправился разыскивать Бланш и, найдя ее спящей, подарил ей дивный сон. Он освободил ее от того, что так ее тяготило, и столь щедро ее одарил, что сего дара хватило бы с избытком не на одного младенца, а на двойню. После чего Бланш обняла своего милого и, прижав его к себе, воскликнула:

– Ах, Ренэ, ты меня разбудил!

И впрямь, сие разбудило бы и мертвую, и любовники подивились, до чего крепкий сон у святых угодниц. От того случая, безо всякого чуда, а лишь в силу благостного свойства, спасительного для супругов, на голове у почтенного мужа стало появляться некое изящное и нежное украшение, которое со временем вырастает в рога, не причиняя носителю их ни малейшего беспокойства.

С того приснопамятного и счастливого дня супруга сенешала с удовольствием предавалась в полдень отдохновению на французский лад, меж тем как Брюин храпел на сарацинский лад. Но после каждого такого отдохновения Бланш убеждалась все тверже, насколько паж ей милее старых сенешалов, и ночью куталась в покрывала, лишь бы не слышать противного духа, который шел от чертова графа. И так день ото дня, засыпая и просыпаясь после многих выше на-

званных отдохновений и многих акафистов, супруга сенешала однажды почувствовала, как зародилась в ее прекрасном лоне та жизнь, о которой она так долго воздыхала, но отныне она более возлюбила сами усилия, нежели их плоды.

Заметим, что Ренэ научился бегло читать и не только в книгах, но и в глазах своей прелестной госпожи, ради которой он охотно бросился бы и в огонь и в воду, если б она того пожелала. После многих встреч, число коих уже давно перевалило за сто, супруга сенешала задумалась и забеспокоилась о будущем любимого своего пажа. И вот в одно пасмурное утро, когда они, словно невинные дети, играли в ладошки, Бланш, которая все время проигрывала, сказала:

– Послушай, Ренэ, я ведь совершаю грех невольный, ибо творю его во сне, а ты совершаешь смертный грех.

– Ах, сударыня, – воскликнул Ренэ, – куда же Господу Богу девать всех грешников, ежели это называется грехом!

Бланш расхохоталась и, поцеловав его в лоб, промолвила:

– Молчи, гадкий мальчишка, дело идет о рае, и надобно нам туда попасть обоим, если хочешь вечно быть со мной!

– О, рай мой здесь!

– Перестань же, богохульник, ты забыл, что я люблю тебя более всего на свете! Разве ты не знаешь, что я ношу ребенка, которого скоро так же трудно будет скрыть, как нос на лице? А что скажет аббат, что скажет мой супруг! Он может казнить тебя, если прогневается. Мой совет таков, мой милый, ступай к мармустьерскому аббату, покайся в твоих

грехах и предоставь ему решать, как следует тебе поступить при встрече с моим сенешалом.

– Увы, если я выдам ему тайну нашего счастья, то он наложит запрет на нашу любовь, – сказал хитрый паж.

– Пусть так, твое вечное блаженство мне слишком дорого.

– Итак, вы сами этого хотите, моя милая!

– Да, – ответила она не очень твердым голосом.

– Ну что ж, я пойду, но прошу вас, усните еще раз на прощание.

И юная чета принялась усердно творить прощальное словословие, как бы предвидя, и тот и другая, что любви их суждено кончиться в расцвете своей весны.

На следующее утро, более для того, чтоб спасти свою горячо любимую госпожу, чем для собственного своего спасения, а также дабы доказать ей делом свое послушание, отправился Ренэ де Жаланж в Мармустьерский монастырь.

Глава пятая

Как за грех любви наложено было строгое покаяние и наступила засим великая печаль

– Боже праведный! – воскликнул аббат, выслушав из уст пажа пространную хвалу сладостным его прегрешениям. – Ты повинен в страшном обмане, ты предал господина своего! Знаешь ли ты, злосчастный, что за прегрешения сии будешь ты гореть на том свете вечно и во веки веков? И ведомо ли тебе, что лишаешься ты навсегда блаженства небесного за единый преходящий миг земной улады? Несчастный, я уже зрю, как ввергают тебя в преисподнюю, если не искупишь ты еще на сем свете грехи твои перед Господом!

Сказав это, добрый старик аббат, который был из того теста, из коего пекутся святые, и пользовался большим почетом по всей Турени, стал страшать юношу, описывая всевозможные бедствия, христианнейше его увещевал, приводил церковные наставления, говорил горячо и многословно, не уступая в том самому дьяволу, который, задумав за шесть недель соблазнить девственницу, не мог бы превзойти его в красноречии, так что Ренэ предался в руки аббата, надеясь заслужить отпущение грехов. Названный аббат, желая наставить на путь святой добродетели юного грешника, повелел

ему, не раздумывая, пасть в ноги своему господину и во всем ему повиниться. Засим, если его минует расправа, незамедлительно вступить в ряды крестоносцев, отправиться в Святую землю и не менее пятнадцати лет подряд сражаться против неверных.

– Увы, святой отец, – воскликнул паж, потрясенный его проповедью, – а хватит ли пятнадцати лет, дабы заслужить прощение за столько изведанных утех! Ах, если мерить сладостью, от них вкушенной, потребовалось бы добрых тысячу лет.

– Бог милосерден, иди, – ответствовал аббат, – и впредь не греши. Сего ради *ego te absolvo...*⁴

Бедный юноша вернулся в замок в великом унынии духа и первым увидел во дворе самого сенешала, который присматривал, как начищают его вооружение, шлем, налокотники и остальные доспехи. Восседая на мраморной скамье под открытым небом, Брюин любовался блеском своих щитов и нагрудников, кои сверкали в лучах солнца, приводя ему на память веселые походы в Святую землю, удалые дела, любовные забавы и прочее. Когда Ренэ подошел к нему и преклонил колени, старик весьма удивился:

– Что это значит? – спросил он.

– Монсеньор, прикажите слугам удалиться, – ответил Ренэ.

И когда монсеньор отпустил людей, Ренэ признался ему

---

⁴ Ныне отпущаю тебе (*лат.*).

в своей вине, поведал, как овладел преступно графиней во время ее сна, и она зачала от него по примеру той святой, с коей так же поступил некий злодей; и пришел он, Ренэ, к господину своему по повелению духовника, дабы отдать себя в руки оскорбленного мужа. Сказав это, Ренэ замолк и потупил свои прекрасные глаза, от коих и пошли все беды, склонился до земли без страха, опустив руки, обнажив голову, покорный воле Божьей, ожидая своего часа. Сенешал хоть и был бледен, да не настолько, чтоб пуще не побледнеть, посему он и побледнел как полотно и слова не мог произнести от ярости; а затем старик, в жилах коего не хватило жизненных соков, чтоб дать отпрыск роду своему, ощутил в себе в тот страшный миг больше сил, чем нужно, чтобы убить человека. Он схватил волосатой своей дланью тяжелую палицу, поднял ее, размахнулся, поиграл ею, будто легковесным кегельным шаром, и уже приготовился опустить ее на голову Ренэ, который, признавая свой грех перед господином, спокойно подставил шею, надеясь искупить и в сем мире и в будущем вину своей милой.

Но цветущая его юность и обаяние столь естественно-го, нежного злодейства тронули суровое старческое сердце; Брюин отвел руку и, швырнув палицу в собаку, уложил ее на месте.

– Пусть тысячи миллионов когтей терзают во веки веков останки той, что породила того, кто посадил дуб, из коего сколотили мое кресло, на котором ты наставил мне рога.

Разрази Господь тех, кто породил тебя, злополучный паж. Ступай к черту, откуда ты и пришел. Убирайся с глаз моих, прочь из замка, прочь из нашего края, и не задерживайся здесь дольше, чем нужно, а не то я сумею придумать тебе страшную казнь, сожгу тебя на медленном огне, и ты по двадцать раз в минуту будешь проклинять гнусную свою похоть.

Услышав такие речи сенешала, к коему в этот миг вернулась молодость, ежели судить по брани и проклятиям, паж, не теряя времени, пустился наутек, и мудро поступил. Брюин, задыхаясь от ярости, бросился в сад; топча все на своем пути, все сокрушая направо и налево и богохульствуя, он даже опрокинул три лохани, в которых слуга нес корм собакам, и в такое впал беспамятство, что убил бы легавую вместо зайца. Наконец нашел он свою лишившуюся девственности супругу, которая смотрела на дорогу, ведущую в монастырь, поджидая своего пажа, и – увы! – не подозревала, бедняжка, что никогда больше его не увидит.

– Ах, сударыня! Пусть меня тут же проткнет дьявол своими раскаленными вилами. Я, слава Богу, уже давно не верю басням и давно уже не дитя. Неужто вы так несчастливо созданы природой, что вас целым пажом не разбудишь... Чума ему на голову! Смерть!

– Это правда, – ответила она, поняв, что все открылось. – Я все отлично почувствовала, но раз вы сами не научили меня ничему, вот я и подумала, что это мне только снится.

Тут гнев сенешала растаял, как снег на солнце, ибо и Бо-

жий гнев смягчила бы единая улыбка Бланш.

– Тысячи миллионов чертей побери того ублюдка! Клянись, что...

– Ну-ну, зря не клянитесь! – воскликнула супруга. – Если он не ваш, зато мой, а разве вы не говорили сами в тот вечер, что будете любить все, что от меня исходит?

И тут же она ловко сбила с толку своего супруга, наговорила множество ласковых слов, жалоб, упреков, столько пролила слез, произнесла все, что положено женщинам по их псалтырю: дескать, родовое поместье их никогда не будет подлежать возврату королю, и никогда ни один младенец не был зачат в большей невинности, и то, и другое, и тысячи разных разностей, и столько их насаждала, что добрый наш рогоносец смягчился, а Бланш, воспользовавшись передышкой, спросила:

– Где паж?

– У черта в зубах!

– Как! Вы убили его?

Побледнев, она чуть не упала.

Брюин не знал, что и делать, когда увидел, что отрада его старческих дней гибнет, и готов был ради спасения жены сам привести к ней ее пажа. Потому он и послал за ним. Но Ренэ неся, словно на крыльях; боясь казни, он отправился прямо в заморские страны, исполняя свой обет. Когда графиня узнала от аббата, какое на ее милого наложено послушание, она впала в глубокую тоску и все повторяла:

– Где же он, бедный мой, не сносить ему головы, всем он пожертвовал из любви ко мне.

И она звала его, как ребенок, не дающий покоя матери, пока не исполнят его каприз. Слушая ее жалобы, старик чувствовал, сколь он виноват, и суетился, стараясь угодить чем только мог, кроме одного, в чем угодить он был не в силах, но ничто не могло заменить ей прежних ласк пажа...

И вот в один прекрасный день появился на свет долгожданный младенец. Легко себе представить, что это было истинным праздником для рогоносца, ибо ребенок – плод прекрасной любви – лицом был в пригожего отца. Бланш утешилась, и со временем вернулась к ней милая ее веселость и та свежесть невинности, которая была утехой старости сенешала. Любуясь младенцем, его играми и смехом, которому вторил счастливый смех матери, сенешал в скором времени полюбил ребенка и разгневался бы сверх меры на всякого, кто бы усомнился в его отцовстве.

Коль скоро слух о приключении Бланш и ее пажа не перешел за ограду замка, то и говорили по всей Турени, что старый Брюин еще сумел родить себе сына. Честь Бланш по сему осталась незапятнанной, а сама она с внезапной прозорливостью, которую черпала в женской своей природе, поняла, сколь необходимо ей хранить в тайне невольный грех, павший на голову ее сына. Вследствие сего стала она сдержанной, разумной и прослыла весьма добродетельной женщиной. Однако ж, немилосердно испытывая терпение своего

супруга, она и близко его к себе не подпускала, считая, что навсегда принадлежит Ренэ. В награду за старческое обожание Бланш лелеяла Брюина, расточала ему улыбки, развлекала его, нежно льстила ему, как то обычно делает женщина с обманутым мужем; а сенешал чем дальше жил, тем больше привыкал к жизни и никак не желал умирать. Но однажды вечером старый Брюин все-таки начал отходить, не зная сам, что с ним такое, и настолько даже, что сказал Бланш:

– Ах, моя милочка, я тебя не вижу, разве уже настала ночь?

То была смерть праведника, и сенешал заслужил ее в награду за свои бранные труды в Святой земле.

Бланш после его кончины долго носила траур, оплакивая супруга, как родного отца. Так она не выходила из печально-го раздумья, не склоняя слуха к просьбам искателей ее руки, за что хвалили ее добрые люди, не ведавшие того, что у нее был тайный друг, супруг сердца, и что жила она надеждой на будущее и на самом деле пребывала вдовою и для людей, и для себя самой, ибо, не получая вестей от своего возлюбленного крестоносца, считала его погибшим. Нередко бедной графине снилось, что он лежит распростертый на земле где-то там далеко, и она пробуждалась вся в слезах. И так прожила она долгих четырнадцать лет воспоминаниями об одном счастливом миге. Однажды сидела она в обществе туренских дам, беседуя с ними после обеда, и вот вбегает ее сын, которому шел тогда четырнадцатый год, и был он по-

хож на Ренэ более чем мыслимо ребенку походить на отца, ничего не унаследовав от Брюина, кроме фамилии. И вдруг мальчик, веселый и приветливый, какой была в юности его мать, вбегает из сада весь в поту, разругавшись, толкая и сшибая все на своем пути; по детскому обычаю и привычке бросается он к любимой матери, припадает к ее коленям и, прерывая беседу дам, восклицает:

– О матушка, что я вам скажу! На дворе я встретил странника, он схватил меня и обнял крепко-крепко.

Графиня строго взглянула на дядьку, которому поручено было следовать за молодым графом и охранять его бесценную жизнь.

– Я ведь запретила вам допускать чужих людей к моему сыну, будь то даже святой. Уходите прочь из моего дома!

– Госпожа моя, тот человек не мог причинить ему зла, – ответил смущенно старый дядька, – ибо, целуя молодого графа, обливался горячими слезами...

– Он плакал? – воскликнула графиня. – Это отец!..

Она уронила голову на подлокотник кресла, того самого, где, как вы уже догадались, совершился ее грех.

Услышав странные ее слова, дамы всполошились и не сразу разглядели, что бедная вдова сенешала мертва. И никто никогда не узнал, произошла ли эта скоропостижная смерть от горя, что ее милый Ренэ, верный своему обету, удалился, не ища встречи с ней, или же от великой радости, что он жив и есть надежда снять с него запрет, коим мармустьерский

аббат разбил их любовь.

И все погрузились в великий траур; мессир де Жаланж лишился чувств, когда предавали земле останки его возлюбленной. Он удалился в Мармустьерский монастырь, который называли в то время Маимустье, что можно было понять как *maius Monasterium*, то есть самый славный монастырь, и поистине не было во всей Франции монастыря прекраснее.

Отчаяние влюбленного

Когда королю Карлу VIII пришла фантазия разукрасить свой Амбуазский замок, то он привез туда итальянских рабочих – каменщиков, ваятелей, живописцев, зодчих, которые обратили галереи замка в истое творение искусства, но плоды трудов их по небрежению ныне пришли в ветхость.

Итак, королевский двор находился в ту пору в названном живописном краю, и молодой король, по всем известной его склонности, с превеликой охотой следил за трудами искусных художников, умело воплощавших свои замыслы. Среди прибывших иноземных ваятелей и граверов был некий молодой флорентиец по имени мессир Анжело Каппара, выделявшийся высоким дарованием, ибо многие дивились, что на заре своих юных лет достиг он такого мастерства в искусстве ваяния. На нежном его подбородке едва лишь проби- вался пушок, по которому узнается юноша, вступающий в пору возмужалости. Все придворные дамы млели, взирая на молодого итальянца, ибо он был пленительно красив, задумчив и грустен, подобно голубю, осиротевшему в своем гнезде. И вот откуда проистекала его печаль. Ваятель наш страдал тяжким недугом, называемым бедностью, который еже- часно отравляет человеку жизнь. И правду сказать, трудно ему приходилось, не каждый день ел он досыта и, стыдясь своей бедности, с отчаяния еще ретивее предавался свое-

му искусству, стремясь во что бы то ни стало добиться при-вольной жизни, которой нет прекраснее для человека, поглощенного возвышенными трудами. Из тщеславия несчастный Каппара являлся ко двору роскошно одетый, но по юношеской робости он не смел попросить у короля плату за свой труд, а король, видя его в столь великолепном наряде, полагал, что юноша живет в полном достатке. Придворные кавалеры и дамы любовались прекрасными творениями художника, равно как и прекрасным их творцом, но червонцев от того в мошне у ваятеля не прибавлялось. Все, особенно дамы, находили, что природа и так богато его одарила, а юность щедро украсила черными кудрями и светлыми очами, так что красавицы, заглядываясь на него, и не вспоминали о золотых червонцах, а думали лишь о всех его прелестях. И то сказать, даже меньшие преимущества доставили не одному придворному богатые поместья, золото и всякие блага.

Хотя был Анжело совсем юным с виду, ему уже исполнилось двадцать лет, он обладал светлым умом, горячим сердцем, и голова его была полна поэтическими замыслами, высоко уносившими его на крыльях фантазии; но, чувствуя себя униженным, как то бывает с людьми бедными и чрезмерно щепетильными, он отступал в тень, видя преуспеяние беспотантных неучей. К тому же, воображая, что он плохо сложен, не привлекателен лицом и мало к чему способен, он таил про себя свои мысли. Полагаю, что, оставаясь один на холодном своем ложе, он делился ими с ночным мраком, с

Богом, с чертом и со всей вселенной. В эти ночи он плакал о том, что сердце его слишком горячо и, разумеется, женщины будут сторониться его, как раскаленного железа. А то вдруг он мечтал, как жарко он станет любить свою прекрасную избранницу, как будет ее чтить, как будет ей верен, каким вниманием окружит ее, как будет выполнять все ее капризы и искусно сумеет рассеять легкие облачка грусти, набегающие в пасмурные дни. И до того ясно рисовался ему милый образ, что он бросался к ее ногам, обнимал их, ласкал, прикивал к ним поцелуями, и так живо он чувствовал и видел все это перед собой, подобно тому как узник, припав глазом к щелке и разглядев дорогу среди зеленой муравы, видит себя бегущим через поля. Потом он нежно уговаривал воображаемую красавицу, хватал ее в объятия, чуть не душил ее, опрокидывал, сам ужасаясь собственной дерзости, и от неистовой страсти кусал подушку, простыни, одерживая в своих мечтаниях сладчайшую победу; но насколько смел он был в одиночестве, настолько робел поутру, услышав шорох женского платья. Однако ж, горя огнем любви к воображаемым красавицам, он запечатлевал в мраморе форму прелестной груди, вызывая жажду к сему сочному плоду любви, создавая и многие иные прелести, округлял, полировал, ласкал их своим резцом, отделявал с великим старанием, придавая им изгибы, указующие дивные соблазны, в назидание девственнику, дабы в тот же самый день он девственность свою утратил. Любая из придворных дам узнавала себя в этих изображении-

ях красоты, и все они произвели Анжело в ангелы. Он касался их лишь взглядом, но дал себе клятву, что от красавицы, позволившей ему поцеловать ее пальчик, он добьется всего.

Одна из самых знатных дам спросила его как-то, почему он такой скромный, робкий и как случилось, что никому из придворных прелестниц не удалось его приручить. Вслед за тем она любезно пригласила его навестить ее вечером.

Не теряя зря времени, Анжело надушился, купил себе плащ из тисненого бархата на атласной подкладке, взял у приятеля рубаху с пышными рукавами, расшитый камзол и шелковые чулки; он взбежал по лестнице, не чуя под собою ног, задыхаясь от волнения, полный надежды, что сбудется наконец его мечта, и, как ни старался, не мог умерить биение сердца, которое прыгало и металось в его груди, как дикая козочка; словом, был он уже охвачен любовью с головы до пят, и его даже бросало в жар и холод.

Дама его и в самом деле была красива. Каппара это тем более понимал, что как ваятель мог оценить округлость плеч и линии гибкого стана и невидимые глазу, но угадываемые тайные совершенства красоты, достойные Венеры Каллипиги. Дама эта отвечала всем тонкостям и законам искусства, притом она была бела и стройна, и голос ее был способен всколыхнуть источники жизни, разжечь сердце, мозг и все прочее. Словом, умела она вызвать в воображении мужчины соблазнительные картины любовных утех, храня при том самый скромный вид, как сие свойственно проклятым доче-

рям Евы.

Ваятель наш застал ее сидящей у камина в глубоком кресле, и дама тут же стала болтать весьма непринужденным образом, меж тем как он не смел вымолвить ни слова по-французски, кроме как «да» и «нет». Не мог он выдавить из глотки ни единого звука и не находил ни единой мысли у себя в мозгу; он охотно разбил бы себе голову о край камина, не будь он столь счастлив, внимая словам красавицы, которая играла и резвилась, подобно мушке под лучами солнца.

И так пребывал он в немом любовании, и оба незаметно досидели до полуночи, неспешно углубляясь в цветущую долину любви. В полночь наш юный ваятель, счастливый, отправился домой, рассуждая следующим образом: если благородная дама продержала его у своих юбок битых четыре часа, до глубокой ночи, значит, сущих пустяков не хватает, чтобы она оставила его у себя до утра. Основываясь на подобных посылках, он вывел несколько благоприятных заключений и решил завоевать ее как самую обыкновенную женщину. Он был готов убить всех: супруга ее, ее самое или себя, если не удастся ему изведать хотя бы единый час наслаждения. Он и в самом деле был глубоко уязвлен любовью, и думалось ему, что вся его жизнь – ничтожная ставка в любовной игре, и один день блаженства стоит тысячу жизней.

Флорентиец долбил камень, вспоминая счастливый вечер, и по той причине, что мысли его витали далеко, немало мраморных носов было им перепорчено. Видя такую неудачу, он

бросил резец и, надушившись, отправился внимать милой болтовне своей красавицы, в надежде, что слова ее обратятся в действие. Но, как только оказался он перед своей королевой, царственное величие красоты совсем ослепило его, и бедный Каппара, такой смелый разбойник у себя дома, обратился в барашка, робко взирая на свою жертву.

Рано или поздно наступает все же час, когда одно желание воспламеняет другое, и Анжело подсел поближе к даме, крепко ее обнял, вымолил у нее поцелуй и получил его; начало оказалось удачным, ибо нередко дамы, подарив один поцелуй, наотрез отказывают в дальнейших; зато, укравши поцелуй, влюбленный может хоть тысячу раз повторить свою дерзость. Вот потому-то дамы любят, чтоб их заставляли врасплох. Наш флорентиец похитил изрядное количество поцелуев, и по всему было видно, что дело идет на лад. Но дама всячески затягивала игру и вдруг вскрикнула: «Мой муж идет!»

И вправду хозяин дома вернулся с королевской игры в мяч. Ваятель поспешно удалился, получив в награду взгляд, который красноречиво говорил: «Сколь я сожалею о превращенном блаженстве». В течение целого месяца Анжело только и жил такими встречами, наслаждался и развлекался ими, но каждый раз, как бывал он близок к своему счастью, неизменно являлся ненавистный супруг в ту самую минуту, которая у дамы следует за прямым отказом и посвящается смягчению оною разными уловками, милыми проделка-

ми, предназначенными для того, чтобы воскрешать или подогреть любовь. И вот, потеряв терпение, художник решил начинать осаду с первых же минут свидания, рассчитывая одержать победу до появления мужа, которому затянувшаяся канитель служила лишь на пользу. Но ловкая дама, читая в глазах ваятеля его тайные намерения, затевала с ним ссору, за коей следовали бесконечные объяснения. Она начинала с притворной сцены ревности, в расчете услышать в ответ лестные дамам проклятия влюбленного. Засим она охлаждала его гнев нежным поцелуем. А там она принималась что-то ему доказывать, и хитростям ее не видно было конца. Она настаивала, что ее любовник должен вести себя благонаравно и все желания ее исполнять, иначе не может она отдать ему свою душу и свою жизнь. И отнюдь не считает она столь уж щедрым для себя даром страстное желание влюбленного; куда более достойна похвалы она сама, ибо, любя сильнее, она больше приносит жертв. И между прочим с видом королевы она небрежно бросала: «Перестаньте», – и в ответ на упреки Каппара сердито говорила: «Ежели вы не будете таким, как мне угодно, я разлюблю вас!»

Хоть и поздно, но все же бедный итальянец понял, что такая любовь не была честной любовью, той любовью, что не отсчитывает даримые ею радости, как скряга червонцы, что его дама просто играет им, допуская его во все владения любви, лишь бы он не завладел потаенным сокровищем. От сего унижения Каппара пришел в неистовый гнев и, позвав

с собою нескольких своих друзей-художников, уговорил их совершить нападение на супруга красавицы, когда тот будет возвращаться домой вечером после королевской игры в мяч. Распорядившись таким образом, флорентиец явился в обычный час к своей даме. Когда в самом разгаре были сладостные игры любви, упоительные поцелуи, забава с распущенными и вновь заплетенными косами, когда в порыве страсти кусал он ей руки и даже ушки, одним словом, когда все уже было испытано, за исключением того, что высоконравственные сочинители наши не без основания называют предосудительным, флорентиец меж двумя особенно жгучими поцелуями спросил:

– Голубка моя, любите ли вы меня больше всего на свете?

– Да, – отвечала она, ибо прелестницам слова недорого стоят.

– Так будьте же моею! – взмолился влюбленный.

– Но муж мой скоро вернется, – возразила дама.

– Значит, иной помехи нет?

– Нет...

– Мои друзья задержали его на дороге и отпустят лишь тогда, когда в этом окне появится светильник. Ежели супруг ваш пожалуется потом королю, то друзья мои объяснят, что они по ошибке приняли его за одного из наших художников и решили над ним подшутить.

– Ах, друг мой, – сказала дама, – дайте я пойду взглянуть, все ли в доме спокойно и спят ли слуги? – Она поднялась, а

свечу поставила на подоконник указанного окна.

Увидя то, Каппара вскочил, задул свечу и, схватив свою шпагу, встал перед женщиной, обнаружившей перед ним всю глубину своего презрения и коварства. Он сказал ей так:

– Я не убью вас, мадам, но оставлю такую отметку на вашем лице, что вам не придется более ни обольщать бедных влюбленных юношей, ни играть их жизнью. Вы меня бессовестно обманули, ваши поступки не достойны порядочной женщины! Знайте же, что поцелуй никогда не изгладится из сердца истинно влюбленного, и целованные уста снимают все запреты. Вы навсегда отравили мне жизнь, она опостылела мне, посему я хочу, чтоб вы до конца дней своих помнили о моей смерти, в которой вы будете повинны. Отныне всякий раз, как вы взглянете в зеркало, вы увидите и мое лицо рядом со своим.

Он взмахнул шпагой, собираясь отсечь кусочек ее нежной щечки, на которой еще горели его поцелуи.

Но тут дама сказала, что он бесчестен...

– Молчите! – воскликнул он. – Вы твердили, что любите меня больше всего на свете, сейчас вы говорите иное. Каждый вечер вы поднимали меня ступень за ступенью к небесам и вот сегодня одним ударом низвергли меня в ад и надеетесь еще, что ваша женская слабость спасет вас от гнева любовника! Нет!

– Мой Анжело, я твоя! – воскликнула дама, сраженная силой его ярости.

А он, отступив от нее на три шага, сказал:

– Ах ты, придворная кукла!.. Пустое сердце! Тебе дороже твоя краса, чем твой возлюбленный, так получай же!

Она побледнела и покорно обратила к нему лицо, ибо поняла, что запоздалая ее любовь не может искупить прежней лжи. Флорентиец нанес ей удар шпаги, как задумал, затем бежал из дома и покинул страну. Муж красавицы, которому так и не пришлось испытать нападения флорентийцев, ибо они увидели свет в окне его дворца, спокойно вернулся домой и нашел жену раненой – без левой щеки. Превозмогая боль, она не обмолвилась ни словом, ибо с минуты своего наказания полюбила Каппара больше жизни. Муж, однако ж, стал доискиваться виновника ее ранения. И по той причине, что никто не заходил без него в дом, кроме флорентийца, он принес королю жалобу. Король послал погоню за ваятелем с приказом поймать его и повесить, что и должно было произойти в городе Блуа. В день казни некая благородная дама пожелала спасти от петли смелого юношу, предположив, что он может оказаться отличным любовником. Она обратилась к королю с прошением о помиловании Каппара, на что король милостиво дал согласие.

Но наш флорентиец доказал, что он глубоко предан даме, чей образ завладел им навсегда. Он удалился в монастырь, постригся в монахи, позднее стал кардиналом, прославился как ученый и, дожив до старости, любил повторять, что жизнь его красна воспоминаниями о радостях, выпав-

ших ему в годы бедной и несчастной молодости, когда некая дама подарила ему столько блаженства и столько муки.

Иные рассказывают, что названному Каппара довелось еще раз встретиться со своей дамой, щека коей зажила, и что на сей раз он не ограничился лишь прикосновением к ее губам, но я тому не верю, ибо знаю, что сердцем он был благороден и высоко чтит святые восторги истинной любви.

Из всего вышеизложенного никакого поучения нельзя извлечь, разве только то, что бывают в жизни вот такие несчастные встречи, ибо повествование наше истинно от начала до конца. Ежели случалось автору иной раз погрешить против правды, то сей рассказ заслужит ему прощение на соборе влюбленных.